

А Н А Т И Х А Я

Идеальный
АССИСТЕНТ

— для —

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

МОНСТРА

18+

Ана Тихая

Идеальный ассистент для монстра

<https://litres.ru/74437588>

SelfPub; 2026

Аннотация

Я — Кира Романова, дипломированный специалист по менеджменту и полиглот с аналитическим складом ума. Но в глазах большинства мужчин все успехи затмевает цвет волос. Я привыкла ломать стереотипы о «тупых блондинках» хлёсткими фактами и логикой.

Я была уверена, что готова к вызовам, пока рекомендация не привела меня в Vanguard Group — гигантскую империю. Мой босс, Руслан Воронцов, — монстр быти-индустрии. Высокий, порочно богатый и жёсткий доминант, он меняет ассистенток чаще, чем перчатки. Для него женщины — лишь куклы или одноразовый секс.

Первый контакт случился в клубе, где я танцевала как в последний раз, а встреча в его кабинете превратила всё в поле боя. Он ждал, что я сломаюсь, но я умею просчитывать риски на шаг вперёд.

Мы искренне ненавидим друг друга. Он пытается подчинить меня, я — разрушить его контроль. В этой опасной игре один шаг от ненависти до любви стоит капитуляции.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	19
Глава 4	27
Глава 5	31
Глава 6	35
Глава 7	40
Глава 8	44
Глава 9	48
Глава 10	53
Глава 11	57
Глава 12	62
Глава 13	70
Глава 14	78
Глава 15	84
Глава 16	95
Глава 17	99
Конец ознакомительного фрагмента.	103

Идеальный ассистент для монстра

Глава 1

Диплом в жесткой темно-синей обложке пахнул типографской краской, дешевым клеем и четырьмя годами бессонных ночей, проведенных в обнимку с трудами по стратегическому менеджменту и словарями. Я провела пальцем по золотистому тиснению. Кира Романова. Бакалавр управления. Позади — высший балл по международной экономике, свободный английский, немецкий и беглый китайский, который я учила просто ради развлечения, чтобы тренировать левое полушарие. Впереди — абсолютная, пугающая пустота.

— Эй, Романова, — декан нашего факультета, Аркадий Борисович, поверх очков с толстыми линзами посмотрел на меня с той редкой отеческой теплотой, которую профессора берегут для студентов, не прогулявших ни одной лекции. — Ты же понимаешь, что с твоим резюме тебя оторвут с руками в любом банке? Но я хочу предложение тебе кое-что... специфическое. Настоящее боевое крещение.

Он протянул мне плотный запечатанный конверт с лаконичным, но до боли знакомым логотипом в виде стилизо-

ванной буквы «V». Vanguard Group. Крупнейший холдинг, подмявший под себя не только модельный бизнес страны, но и несколько глянцевого изданий, сеть быти-индустрии и бог знает что еще. Штат — около пятидесяти тысяч человек. Огромная, неповоротливая, но чертовски прибыльная машина.

— Им нужен личный ассистент генерального, — Аркадий Борисович заговорщически понизил голос. — Предыдущий сбежал две недели назад. Кажется, с нервным срывом. Владелец компании — человек... сложный. Требовательный до маразма. Но если ты продержишься там хотя бы полгода, в твоём резюме появится строчка, которая откроет двери в любую корпорацию мира. Я написал им личную рекомендацию. Рискнешь?

— Сложный характер? — я усмехнулась, аккуратно убирая конверт в сумку. — Аркадий Борисович, я четыре года модерировала чаты старост и сдавала сопромат преподавателю, который считает, что женщины должны сидеть дома и вязать. Меня трудно напугать.

— Ну-ну, — старик улыбнулся, но в его глазах мелькнуло сочувствие. — Удачи, Кира. Она тебе понадобится.

Выйдя из душного здания университета на залитую июньским солнцем улицу, я первым делом вдохнула горячий воздух свободы. Я не была из тех девочек, которым папы покупают квартиры на совершеннолетие и дарят мини-куперы за сдачу сессии. Моя семья жила в небольшом провинциальном

городке, и всё, что у меня было — это комната в коммуналке, арендованная наполовину с Леркой, и абсолютная уверенность в собственных мозгах.

Телефон в кармане джинсов завибрировал. На экране светилось: «Лерчик-Апокалипсис».

— Кирюха! — динамик едва не оглушил меня визгом и фоновой клубной музыкой, хотя на часах было всего три часа дня. — Ты забрала эту картонку? Скажи, что да! Мы обязаны это обмыть. Сегодня в «Oblaka» закрытая вечеринка, у меня есть проходки! Будут все. Оторвемся так, чтобы стены дрожали!

Лера была моей полной противоположностью. Ветреная, обожающая ночную жизнь, блески и парней с кубиками пресса, она, тем не менее, оставалась единственным человеком, который искренне плакал от радости, когда я получила повышенную стипендию. Наша дружба длилась с детского сада, и никакие разные интересы не могли этого изменить.

— Лера, у меня завтра в девять утра собеседование, — спокойно ответила я, лавируя между прохожими. — Мне нужно выспаться и погладить блузку.

— Какое собеседование, зануда?! Ты только что освободилась от рабства! Ладно, блузку я тебе сама поглажу. Но вечером ты идешь со мной, это не обсуждается. Иначе я приду и украду твои любимые книги по экономическому анализу! Я вздохнула, понимая, что спорить бесполезно.

— Хорошо. Но в полночь я превращаюсь в тыкву и уезжаю

домой.

Дома, глядя в зеркало, я критически осмотрела свое отражение. Средний рост, копна натуральных светлых волос, которые вечно пушились от влажности, и огромные зеленые глаза. Типичная внешность из анекдотов. За годы учебы я тоннами выслушивала снисходительные смешки от парней-сокурсников, уверенных, что блондинка на экономическом — это недоразумение, ищущее богатого мужа.

Обычно на фразу «О, ну для блондинки это даже неплохо» или «Что с блондинки взять, они же тупые» я не закатывала глаза и не устраивала истерик. Я просто смотрела в упор и мягко, с улыбкой, чеканила:

— Мой IQ выше твоего индекса массы тела. Продолжим?

Или: — Зато у меня кости легче, а у тебя, судя по репликам, мозг.

Работало безотказно. Люди почему-то путают цвет волос с когнитивными способностями, и ломать этот стереотип делом — мое любимое хобби.

Открыв шкаф, я скользнула взглядом по вешалкам. Я не могла позволить себе одежду из люксовых бутиков, но у меня был пунктик: вещь должна сидеть идеально и быть сделана из качественной ткани. Никакого дешевого полиэстера, кривых швов или кричащих логотипов. Простой, элегантный крой, чистый хлопок, шелк и шерсть. И, конечно же, моя маленькая, тщательно скрываемая слабость.

Я выдвинула нижний ящик комода. Там, аккуратно раз-

ложенное по цветам, покоилось настоящее сокровище — дорогое, утонченное кружевное белье. Я могла сэкономить на обуви или ходить с недорогим телефоном, но то, что прилегало непосредственно к телу, обязано было быть безупречным. Черный тончайший гипюр, изумрудный шелк, нежнейшее белое кружево ручной работы. Никто этого не видел, кроме меня, но осознание того, что под строгим офисным костюмом на мне надето нечто невероятно сексуальное и дорогое, дарило мне колоссальную внутреннюю уверенность. Это был мой личный бронезилет.

На вечер я выбрала простое черное платье-комбинацию из плотного матового шелка, которое сшила сама по лекалам известного бренда, и свободный серый блейзер сверху. Минимализм. Элегантно, дерзко, ничего лишнего.

Клуб встретил нас оглушительным басом, неоновыми вспышками и запахом дорогого парфюма вперемешку с алкоголем. Мой мозг, привыкший все анализировать, тут же начал подсчитывать средний чек заведения, маржинальность коктейлей из дешевого алкоголя с красивыми названиями и плотность заполнения зала на квадратный метр. Профдеформация в чистом виде.

— Кирюха, выключи своего внутреннего калькулятора! Пошли танцевать! — Лера схватила меня за руку и буквально утащила в самый центр беснующейся толпы.

И в этот момент я решила: к черту. Четыре года зубрежки окончены. Диплом в кармане. Завтра начнется новая, взрос-

лая и наверняка серая офисная жизнь, но сегодня я имею право принадлежать самой себе.

Я сбросила на диванчик блейзер, оставаясь в одном шелковом платье, и растворилась в музыке. Мы с Леркой танцевали так, словно это был последний день в нашей жизни. Мои светлые волосы разметались по плечам, движения стали свободными, дерзкими, полностью синхронизированными с тяжелыми битами, пронизывающими пространство. Я смеялась, кружилась, ловя на себе десятки восхищенных взглядов, и чувствовала себя абсолютно счастливой и живой.

В какой-то момент, резко повернувшись в танце, я подняла глаза вверх, к VIP-ложе, расположенной над танцполом. Пространство там было полутемным, но неоновый луч на секунду выхватил из мрака силуэт мужчины, стоявшего у перил.

Я не знала, кто он такой. Но мой аналитический центр даже сквозь алкогольно-музыкальный туман выдал мгновенную оценку: опасен. Высокий — под метр девяносто, с мощным разворотом плеч и литым, атлетическим телосложением, которое угадывалось под дорогой темной одеждой. Черные жесткие волосы, резкие черты лица и карие, почти черные глаза. Он смотрел на беснующуюся толпу внизу с ледяным, давящим равнодушием.

На секунду его сканирующий, тяжелый взгляд скрестился с моим. Он лениво окинул меня взглядом сверху вниз — оценил мои растрепавшиеся блондинистые волосы, шелко-

вое платье, открытые плечи, за долю секунды вынес какой-то свой циничный вердикт и равнодушно отвернулся, возвращаясь к разговору со своими друзьями. В его глазах читалось четкое: «Очередная доступная блондинка в клубе. Пустое место».

Внутри меня вскипела чистая, концентрированная злость. Меня еще никто в жизни так открыто не обесценивал одним лишь движением ресниц. Подавив желание показать высокомерному незнакомцу неприличный жест, я упрямо вскинула подбородок, повернулась к нему спиной и продолжила танцевать с Лерой еще неистовее, назло этому мрачному критику. Мы зажигали на танцполе до самого закрытия, и домой я вернулась только под утро, без ног, но с абсолютным ощущением выполненного долга перед своей юностью.

Глава 2

В офис Vanguard Group я пришла ровно за пятнадцать минут до назначенного времени, несмотря на то, что спала всего часа три. Здание из стекла и бетона в самом центре Сити давило своей монументальностью. Внутри все было стерильно-белым, минималистичным и безумно дорогим. Девушки на ресепшн выглядели так, словно только что сошли с подиума — что логично, учитывая специфику холдинга.

На мне был строгий костюм-двойка графитового цвета: приталенный жакет и узкие брюки, идеально подчеркивающие фигуру, но не оставляющие места для лишних мыслей. Под жакетом — белая шелковая блузка, под которой скрылся комплект из плотного темно-синего кружева. Мой секретный допинг, вернувший мне уверенность после бессонной ночи. Волосы я собрала в тугой, безупречный хвост. Никаких легкомысленных кудрей.

— Кира Романова? — HR-директор, строгая женщина лет сорока с идеальным каре, изучила мою рекомендацию от декана. — Аркадий Борисович очень высокого мнения о ваших аналитических способностях. Но я должна предупредить сразу. Руслан Дмитриевич... специфический руководитель. Нам нужен не просто человек, который варит кофе и распределяет звонки. Нужен громоотвод. Человек со стальной нервной системой, способный обрабатывать гигантские

массивы информации и не плакать, когда на него повышают голос.

— Я не умею плакать, — ответила я спокойно. — У меня удалены слезные железы в пользу зон мозга, отвечающих за логику.

Женщина слабо улыбнулась. Первая шутка за день, которая заставила её расслабиться.

— Что ж. Посмотрим, как долго продержится ваш юмор. Пройдемте. Он как раз освободился.

Мы поднялись на сороковой этаж. Весь этаж принадлежал главе компании. Панорамные окна во всю стену открывали вид на город, раскинувшийся внизу, словно на ладони. Огромный стол из мореного дуба, кожаные кресла, абсолютная тишина, нарушаемая лишь тихим стуком клавиш.

За столом сидел мужчина. Белоснежная рубашка с растянутым воротом, рукава закатаны до предплечий, обнажая мощные руки, покрытые ровным загаром и проступающими венами. Когда мы вошли, он даже не поднял головы от экрана планшета.

— Руслан Дмитриевич, кандидат на позицию личного ассистента. По рекомендации профессора из МГУ.

— Оставь резюме и свободны, — голос мужчины оказался низким, бархатистым баритоном, в котором, однако, сквозила такая ледяная властность, что у меня по спине пробежали иголки. — У меня через десять минут летучка с директорами филиалов. Мне некоторую чушь некогда читать.

Я замерла на месте. Этот голос... Этот разворот широких плеч.

Мужчина медленно, словно нехотя, поднял голову. Его карие глаза сфокусировались на мне.

Мой внутренний компьютер со свистом перезагрузился, выдавая синий экран смерти. Это был он. Тот самый высокомерный доминант из VIP-ложи ночного клуба. Хозяин холдинга с пятидесятитысячным штатом, Руслан Воронцов. И сейчас, в дневном свете, он выглядел еще более монументально, жестко и опасно.

Я увидела, как в его темных глазах промелькнуло мгновенное узнавание. На его губах тут же появилась едва заметная, циничная усмешка хищника. Взгляд Воронцова скользнул по моему строгому костюму, словно мысленно сдирая его и вспоминая вчерашнее шелковое платье и мои дикие танцы на виду у всего клуба.

— Ты? — он откинулся на спинку кожаного кресла, скрестив пальцы на груди. Его мощный торс при этом движении натянул ткань рубашки. — Аркадий совсем из ума выжил на своей кафедре. Прислал мне клубную куклу. Скажи мне, кукла, ты вообще знаешь, что такое тайм-менеджмент, или твои навыки ограничиваются умением до утра крутить задом на танцполе?

HR-директор рядом со мной едва заметно втянула воздух. Атмосфера в кабинете мгновенно раскалилась до предела. Это было прямое оскорбление, проверка на прочность. Он

ждал, что я захоплюю ресницами, испугаюсь, покраснею или начну оправдываться за вчерашнее.

— Тайм-менеджмент, Руслан Дмитриевич — это способность не тратить первые две минуты собеседования на стереотипные суждения о внешности кандидата, — спокойно, без тени страха или раздражения ответила я. — Мой средний балл — 5.0. Я говорю на четырех языках. Моя дипломная работа была посвящена оптимизации логистических потоков в компаниях с численностью персонала свыше пятидесяти тысяч человек — как раз ваш случай. А что касается танцев... Хороший управленец должен уметь сбрасывать напряжение, чтобы не срываться на подчиненных. Вам бы это тоже не повредило.

В кабинете повисла такая звенящая тишина, что было слышно, как гудят лампы кондиционера. HR-директор, кажется, перестала дышать вовсе.

Воронцов не пошевелился. Он продолжал смотреть на меня, но его взгляд кардинально изменился. Ленивое пренебрежение исчезло, уступив место жесткому, хищному интересу. Он изучал меня, как шахматист изучает неожиданный ход соперника, который посмел нарушить его партию. На его волевых скулах заиграли желваки.

— Дерзкая, — констатировал он, и в его голосе прозвучала опасная, вибрирующая угроза. — Я не люблю дерзких ассистентов, Романова. Они долго не живут в этой индустрии. Они думают, что если у них есть диплом и подвешенный

язык, то они поймали бога за бороду.

— Я не дерзкая, — я сделала еще один шаг к его столу, положив ладони на край темного дерева и слегка наклонившись вперед. Наше расстояние сократилось, и я почувствовала тонкий, дорогой шлейф его парфюма — амбра, дерево и горький табак. — Я просто эффективная. И я умею анализировать данные. Из ваших последних трех ассистентов двое уволились из-за нервного истощения, а один — из-за вашей привычки ставить задачи за пять минут до дедлайна. Это говорит о системной ошибке в управлении вашим личным графиком. Я здесь, чтобы исправить эту ошибку. Если, конечно, вы способны признать, что вам нужна помощь.

Он резко поднялся с кресла. Его высокий рост и мощная фигура мгновенно создали ощущение, что пространства в кабинете стало катастрофически мало. Он подошел ко мне вплотную — так близко, что я видела крошечную, едва заметную искру ярости в его карих глазах. Он доминировал физически, подавлял своим авторитетом и богатством, но я не отвела взгляд ни на миллиметр.

— Ты думаешь, что самая умная здесь, блондинка? — тихо, почти интимно спросил он, наклонившись к моему лицу.

— Я это знаю, — ответила я, глядя на его четко очерченные, жесткие губы. — А теперь, если мы закончили мериться интеллектом, может, проверите мои языковые навыки? Или начнем с вашего расписания на сегодня?

Воронцов молчал несколько секунд, буравя меня взгля-

дом. Затем на его лице скользнула жесткая, пугающая улыбка хищника, который нашел себе достойную игрушку.

— Испытательный срок — две недели, — отчеканил он, возвращаясь к столу. — Рабочий день — двадцать четыре на семь. Опоздание на минуту — увольнение. Ошибка в документах — увольнение. Если у тебя зазвонит телефон во время моих переговоров — ты вылетаешь отсюда быстрее, чем твои иллюзии о красивой жизни. Твое рабочее место за дверью. Твой первый кейс — перевести контракт с китайскими инвесторами к пяти вечера. Там сорок страниц узкоспециализированного технического текста. И не дай бог тебе перепутать хотя бы один термин, Романова.

— Будет готово к четверем, — ответила я, развернувшись на каблуках и направилась к выходу.

— И еще, — его голос догнал меня у самой двери. — Завтра в офис в брюках не приходи. Мой ассистент должен выглядеть репрезентативно для контрагентов. Носи юбки.

Я остановилась, взявшись за ручку двери, и слегка повернула голову.

— Хорошо, Руслан Дмитриевич. Надеюсь, ваши контрагенты смотрят на графики доходности, а не на мои ноги. Хотя, судя по вашей реакции, это взаимосвязанные вещи.

Я вышла из кабинета, аккуратно прикрыв за собой дверь. Сердце в груди бешено колотилось, адреналин курсировал по венам, как чистый ток. Это была не просто работа. Это была игра на выживание. От ненависти до полной капитуля-

ции одного из нас. И я не собиралась проигрывать этому высокомерному ублюдку.

Глава 3

Рабочее место личного ассистента генерального директора Vanguard Group больше напоминало пункт управления космическими полетами, чем обычный офисный пятак. Огромный глянцевый стол, три монитора, на которых непрерывным потоком обновлялись графики, биржевые сводки и внутренние отчеты компании, и гробовая, почти стерильная тишина сорокового этажа.

Как только дверь за HR-директором закрылась, оставив меня наедине с двухнедельным испытательным сроком и уязвленным эго, я сбросила серый блейзер на спинку кресла. На часах было ровно десять утра. У меня оставалось ровно шесть часов на то, чтобы совершить невозможное.

Плотная папка с контрактом китайских инвесторов легла перед глазами тяжелым грузом. Сорок страниц иероглифов, перемежающихся со сложными юридическими формулировками и техническими спецификациями текстильного оборудования для модельного холдинга. Воронцов явно рассчитывал, что я сломаюсь на первой десятке страниц. Обычный человек, даже со знанием языка, завяз бы в этих дебрях, то и дело сверяясь со специальными словарями.

Но Руслан Дмитриевич не учел одного: я не была обычным человеком. Мой мозг обожал структурировать хаос.

Я открыла первый чистый документ на компьютере, сде-

лала глоток ледяной воды и погрузилась в текст. Ветвление иероглифов складывалось в моей голове в четкие логические цепочки. Пекинский диалект, юридические тонкости провинции Гуандун, скрытые ловушки в пунктах о форс-мажорах... Я переводила со скоростью профессионального синхрониста, пальцы летали по клавиатуре, отбивая четкий, рваный ритм.

Час за часом время ускользало, словно вода сквозь пальцы. Мониторы светились мягким синеватым светом, отражаясь в моих глазах. В районе двух часов дня дверь кабинета Воронцова распахнулась. Он вышел стремительной, хищной походкой, на ходу застегивая пуговицы на манжетах свежей, идеально выглаженной темно-синей рубашки. За ним следовал начальник службы безопасности и пара топ-менеджеров, которые выглядели так, словно их только что пропустили через промышленный блендер.

Воронцов даже не притормозил около моего стола. Его карие глаза мазнули по моей согнутой над бумагами фигуре, в них промелькнуло холодное, мимолетное удовлетворение хозяина, наблюдающего за работой раба.

— Романова, через полчаса у меня встреча в ресторане «Парус» с итальянскими партнерами. Презентация новой линейки белья готова? — бросил он на ходу, его низкий баритон заставил менеджеров позади него испуганно вздрогнуть.

— Презентация загружена на ваш планшет еще двадцать

минут назад, Руслан Дмитриевич. Я также внесла туда корректировки по таможенным пошлинам, которые вступили в силу сегодня утром. Итальянцы любят точность.

Воронцов резко затормозил. Его мощная фигура на секунду заблокировала проход к лифтам. Он медленно повернулся ко мне, прищулив свои темные глаза. На его лице не отразилось ни капли благодарности — лишь жесткое, препарирующее удивление.

— Проверим, — сухо бросил он. — К моему возвращению контракт должен лежать у меня на столе. Напечатанный и скрепленный. Без единой помарки.

— Он будет там, — ответила я, глядя прямо в его карие глаза.

Когда лифт унес эту делегацию вниз, я выдохнула. Мой желудок жалобно сжался, напоминая, что со вчерашнего клубного вечера и диких танцев с Леркой в моем организме не было ничего, кроме чашки крепкого кофе. Но прерываться было нельзя. Если я уйду на обед, Воронцов найдет повод выставить меня за дверь в ту же секунду. А дарить ему эту победу я не собиралась.

В 15:45 сороковая страница была закончена. Я перечитала текст дважды, проверяя каждую цифру, каждую запятую. Мой внутренний перфекционист остался доволен. Я распечатала увесистую стопку листов, аккуратно вставила их в строгую черную папку с фирменным логотипом холдинга и отнесла в его кабинет, положив ровно по центру огромного

дубового стола. Рядом я поставила чашку свежесваренного эспresso — без сахара, крепкого, как его эго. Я узнала у секретарей на нижнем этаже, что именно такой кофе он предпочитает во второй половине дня. Внимательность к деталям — первый шаг к полному контролю над ситуацией.

Руслан вернулся в начале пятого. Один. Его пиджак был перекинут через плечо, верхняя пуговица рубашки снова расстегнута, открывая вид на сильную шею. От него пахло дорогим парфюмом, хорошим табаком и той неудержимой энергией успеха, которая опьяняет сильнее любого алкоголя. Было очевидно, что итальянцы подписали всё, что он хотел.

— Он прошел мимо моего стола, даже не взглянув на меня, и скрылся в кабинете. Дверь осталась приоткрытой.

Я замерла, прислушиваясь. Минут десять царила абсолютная тишина. Я буквально кожей чувствовала, как его тяжелый, сканирующий взгляд бежит по строчкам моего перевода. Он искал ошибку. Искал зацепку, чтобы размазать высокомерную блондинку, которая посмела читать ему нотации на собеседовании.

— Романова! Ко мне, — донесся из кабинета его ледяной приказ.

Я поднялась, поправила узкие брюки своего графитового костюма и вошла. Воронцов сидел в кресле, вертя в пальцах дорогую перьевую ручку. Черная папка с переводом была закрыта. Рядом стояла пустая чашка из-под эспresso.

— Кто делал этот перевод? — спросил он, и в его голосе не

было прежней насмешки. Только холодная, опасная глубина.

— Я, Руслан Дмитриевич, — я остановилась перед его столом, заложив руки за спину. — В три смены переводчиков я не нанимала, если вы об этом.

— Здесь терминология министерства промышленности КНР, — он постучал пальцем по папке. — Её не дают в университетах. Откуда ты её знаешь?

— Я умею пользоваться не только словарями, но и закрытыми базами данных аналитических агентств, — я слегка улыбнулась, глядя на его жесткое лицо. — А еще я умею думать. Китайцы заложили в тринадцатом пункте скрытую неустойку, замаскировав её под особенности налогообложения субподрядчиков. Я выделила этот абзац курсивом и сделала сноску с юридическим обоснованием, почему вам не стоит это подписывать в такой редакции. Вы сэкономите порядка двух миллионов долларов, если измените формулировку.

Воронцов молчал. Его карие глаза, казалось, пытались прожечь во мне дыру. На его скулах снова заиграли желваки. Этот мужчина был доминантом до мозга костей, он привык ломать людей, подчинять их своей воле, заставлять ползать перед ним на коленях ради высокой зарплаты или его мимолетного внимания. А тут перед ним стояла девчонка, блондинка, которая мало того что не испугалась его жуткого характера, так еще и ткнула его носом в юридическую мину, которую пропустил весь его хваленый международный

отдел.

— Ты считаешь себя слишком умной, Романова, — тихо, с явной угрозой произнес он, медленно поднимаясь со своего места.

Он обошел стол. Его высокий рост — почти под два метра — заставил меня закинуть голову, чтобы продолжать смотреть ему в глаза. Он подошел так близко, что я почувствовала тепло, исходящее от его тела. Его мощный торс, широкие плечи, накачанные регулярными тренировками в зале, буквально подавляли. Он навис надо мной, создавая невидимую, но удушающую клетку из своего присутствия.

— Я просто выполняю свою работу, — ответила я, хотя мое сердце сделало дикий кульбит. Под моим строгим костюмом, прямо на голой коже, тончайшее кружевное белье внезапно показалось слишком горячим. Адреналин заставлял кровь бежать быстрее.

— Твоя работа — подчиняться моим приказам, а не учить меня вести бизнес, — его голос опустился до опасного, интимного шепота. Он наклонился к моему лицу так близко, что я видела безупречную текстуру его кожи и легкую щетину на волевом подбородке. — Ты думаешь, я не понял, что ты устроила здесь шоу? Хватило ума перевести текст, и теперь ты ждешь, что я паду к твоим ногам? Запомни, кукла. В этой компании есть только один хозяин. И это я.

Я не отступила ни на шаг. Мои зеленые глаза встретили его бешеный, контролируемый гнев с абсолютным спокой-

ствием, хотя внутри всё дрожало от этой дикой, первобытной искры ненависти, вспыхнувшей между нами.

— Если бы я ждала, что вы падете к моим ногам, Руслан Дмитриевич, я бы пришла на собеседование в мини-юбке и с глубоким декольте, как те несчастные, которых вы пачками увольняете, — метко и хлестко отрезала я. — Но я пришла сюда работать головой. Если вам нужен бездумный исполнитель, который будет заглядывать вам в рот и плакать от каждого крика — увольте меня прямо сейчас. Облегчите жизнь нам обоим. Но если вам нужен лучший ассистент в этом городе — замолчите и дайте мне следующее задание.

Воронцов замер. Его губы сжались в тонкую линию. Я видела, как сильно его задела мои слова. Никто. Никогда. В этой пятидесятитысячной империи не смел говорить с Русланом Воронцовым в таком тоне. Ему никто не предлагал «замолчать».

Его правая рука дернулась, словно он хотел схватить меня за подбородок и заставить замолчать самой жесткой силой, но он сдержался. Жесткая дисциплина взяла верх. Он сделал шаг назад, разрывая нашу слишком интимную дистанцию, и на его лице снова воцарилась ледяная, непроницаемая маска.

— Свободна на сегодня, Романова, — отчеканил он, поворачиваясь ко мне спиной. — Завтра в восемь тридцать утра ты должна стоять у моего стола. И не забудь про мое требование насчет юбки. Посмотрим, насколько хватит твоей хва-

ленной эффективности, когда начнется настоящая работа.

— До завтра, Руслан Дмитриевич, — спокойно ответила я, развернулась и вышла из кабинета.

Только за пределами его этажа, в лифте, я позволила своим плечам расслабиться. Мои ладони слегка дрожали. Этот мужчина был настоящим чудовищем — властным, богатым, привыкшим брать от жизни всё и не считаться ни с кем. Для него женщины были лишь одноразовым развлечением на ночь, вещами, которые можно купить и выбросить. И то, что я отказалась становиться в этот ряд, вызывало в нем искреннюю, глубинную ярость.

Глава 4

— Ты сумасшедшая! Ты просто камикадзе, Кирка! — Лера сидела на нашей крошечной кухне в коммуналке, обернутая в пушистое полотенце после душа, и с открытым ртом слушала мой рассказ о первом рабочем дне. — Ты сказала самому Воронцову «замолчите»?! Да про него в пабликах такие ужасы пишут! Он же монстр! Он держит в страхе всю быоти-индустрию! Половина моделей холдинга мечтают просто оказаться с ним в одном лифте, а вторая половина боится его до икоты!

— Он обычный мужчина с раздутым эго, Лер, — я аккуратно развешивала на плечики свою новую юбку-карандаш из плотной, качественной итальянской шерсти. Цвет — глубокий бордовый. Длина — строго по колено. Никакой пошлости, но силуэт она подчеркивала идеально. — Да, он богат. Да, он управляет огромной структурой в пятьдесят тысяч сотрудников. Но в основе его характера лежит банальное желание тотального контроля. Стоит показать ему, что его контроль на тебя не действует, и он начинает беситься.

— Ну смотри, доиграешься, — Лерка покачала головой, подпиливая ногти. — Такие мужики не прощают, когда им перечат. Они либо ломают, либо... ну, ты сама понимаешь. Кстати, какие планы на выходные? Погнали в субботу снова в «Oblaka»? Там будет тематическая вечеринка!

— Исключено, — я вздохнула, присаживаясь на край кровати. — Во-первых, я выжата как лимон. Во-вторых, этот диктатор ясно дал понять: рабочий день двадцать четыре на семь. Мне нужно изучить всю структуру холдинга за ночь, чтобы завтра не сесть в лужу, если он решит устроить мне новый экзамен.

Субботнее утро, вопреки моим опасениям, началось относительно спокойно. Воронцов в офисе не появился — у него был законный выходной, который, как я успела узнать из его расписания, он жестко оберегал. Никаких деловых встреч по субботам после обеда.

Ближе к вечеру мне на телефон пришло сухое сообщение с незнакомого номера: «Романова, завтра в четырнадцать ноль-ноль забронируй VIP-зал в бильярдном клубе "Гринвич". На три персоны. Подтверждение пришли мне».

Я на секунду задумалась. Воронцов. Игры в бильярд на выходных с друзьями — это была его единственная слабость, судя по анализу его редких личных выходов. И то, что он скинул эту задачу мне в мой личный выходной, было очередной мелкой проверкой на то, начну ли я качать права.

Я быстро нашла контакты закрытого клуба, связалась с администратором, подтвердила бронь на имя Воронцова и отправила ему лаконичный ответ: «Зал забронирован на 14:00. Администрация уведомлена о ваших предпочтениях по напиткам. Хороших выходных, Руслан Дмитриевич».

Ответа, разумеется, не последовало. Мужчины вроде него

не снисходят до «спасибо» в адрес ассистентов.

В воскресенье вечером я не выдержала. Одержимость контролем — штука заразная. Чтобы понимать, с кем я имею дело, я полночи провела на закрытых бизнес-форумах и в светских хрониках, по крупицам собирая информацию о Руслане Воронцове. Мой аналитический ум требовал составить его полный психологический портрет.

Данные складывались в довольно мрачную картину. Ему тридцать два года. Мне — двадцать четыре. Восемь лет разницы — огромная пропасть, за которую он успел построить империю с пятидесятитысячным штатом, а я — только закончить университет. У него не было постоянной девушки. Никаких громких романов, никаких долгих отношений. Журналисты в один голос утверждали, что Воронцову чужда сама мысль о привязанности. Только одноразовый секс, только безупречные, модельной внешности женщины на одну ночь, которые знали свое место и никогда не задерживались в его жизни дольше, чем до утреннего кофе. Чистый, холодный функционал.

Единственными людьми, с которыми его видели регулярно вне работы, были два его давних друга — Артур, владелец премиальных автосалонов, и Макс, один из самых циничных и дорогих адвокатов столицы. Именно с ними он каждые выходные закрывался в «Гринвиче», отсекая весь остальной мир. Судя по всему, бильярд был единственным местом, где этот монстр позволял себе ослабить хватку. Или, наоборот,

просчитывал там новые стратегии по уничтожению конкурентов.

«Он ищет, на чем меня сломать», — думала я, глядя в потолок нашей темной комнаты и слушая мерное сопение спящей Леры. — «Он привык, что женщины в его окружении — это либо безмолвные куклы из его модельного агентства, либо временные игрушки для постели. И моя дерзость для него — как системный сбой в его идеальной программе. Что ж, Руслан Дмитриевич. Посмотрим, чья операционная система окажется мощнее».

Глава 5

Стеклянные двери кабинета Руслана Воронцова закрылись за моей спиной с едва слышным, но оттого еще более зловещим щелчком. Для большинства сотрудников этот звук означал начало персонального ада. Для меня — просто сигнал к началу рабочего дня.

Он стоял у панорамного окна, спиной ко мне, неторопливо застегивая запонки на безупречно белой рубашке. Даже со спины, без пиджака, Воронцов умудрялся подавлять одним своим присутствием. Владелец крупнейшей международной модельной империи с размахом в пятьдесят тысяч сотрудников по всему миру, он управлял бизнесом как элитным карательным отрядом. Жестко, безжалостно и без права на ошибку.

Я сделала шаг вперед, крепче сжав планшет. Мой голос звучал ровно — я давно вытравила из него даже намек на тот трепет, который он привык видеть у своих подчиненных.

— Доброе утро, Руслан Дмитриевич. Ваше расписание на первую половину дня готово. Через двадцать минут у вас видеоконференция с директорами региональных скаутинговых центров холдинга.

Воронцов не повернулся, лишь слегка наклонил голову, давая понять, что соизволил выслушать.

— Перенеси, — коротко бросил он. Его низкий, холодный

голос обычно заставлял людей заикаться. — У меня встреча с инвесторами из Парижа в двенадцать.

— Не могу, — так же спокойно ответила я.

Вот теперь он повернулся. Медленно, хищно. В его темных глазах вспыхнуло опасное раздражение. Руслан привык, что его приказы — это абсолютный закон, а тут какая-то девчонка, работающая у него ассистенткой всего пару недель, смеет говорить «не могу».

— Повтори, — процедил он, сокращая расстояние между нами.

Я даже не шелохнулась. Я прекрасно знала, что этот человек — монстр в дорогом костюме, но я пришла сюда работать, а не падать в обморок от его тяжелого взгляда. Я подняла голову, встретившись с ним прямым, осознанным взглядом. Никакого страха. Он его не заслужил.

— Видеоконференцию нельзя переносить, и вот почему, — я повернула к нему экран планшета, на котором горели сложные графики и таблицы. — Я перепроверила финальный годовой отчет по бюджетам нашего уральского филиала. Там явный подлог данных в бухгалтерии.

Воронцов на секунду замер. Я заметила, как раздражение в его глазах мгновенно сменилось ледяной сосредоточенностью прирожденного игрока. Он перевел взгляд с меня на цифры.

— Поясни, — приказал он. Уже без прежней злости, но с явной проверкой меня на прочность.

— Директор уральского центра жестко химичит с гонорами начинающих моделей, — четко, без лишней воды начала объяснять я. — Они занижают выплаты девочкам по официальным ведомостям, а разницу выводят через подставные агентства. Плюс, я обнаружила три левых рекламных контракта с местными брендами. Съемки прошли, лица наших топ-моделей использованы, а в кассу холдинга не поступило ни рубля. Все ушло наличными в обход главного офиса. Уральский филиал топит наши рейтинги и ворует у вас под носом.

Руслан подошел почти вплотную. Я физически ощущала исходящую от него ментальную угрозу, но заставила себя держать планшет ровно, не позволяя рукам дрожать. Он протянул руку, и его пальцы на секунду коснулись моих, когда он перехватывал планшет. Локальный, едва заметный разряд тока между нами только добавил напряжения в и без того наэлектризованный воздух.

Воронцов быстро пролистал документы, которые я собирала последние несколько ночей. К моему удивлению, его губы тронула едва заметная, жесткая ухмылка. Он оценивал не только масштаб воровства на Урале — в этот момент он оценивал меня. То, как я раскопала то, что умудрился пропустить целый отдел внутреннего аудита.

— И ты решила вывалить это прямо на селекторе, перед всеми регионалами? — спросил он, глядя на меня сверху вниз.

— Именно, — я расправила плечи. — Если вы устроите им публичную порку прямо сейчас, остальные одиннадцать филиалов даже подумать побоятся о левых контрактах. Страх — отличный инструмент мотивации, вы ведь сами так говорите?

Руслан молчал несколько секунд, буквально буравя меня взглядом. Я видела, как в его голове идет борьба: ему явно хотелось поставить слишком дерзкую ассистентку на место, но профессиональный азарт и понимание моей правоты перевесили.

— Ладно, Романова, — наконец произнес он, возвращая мне планшет. В его глазах проскользнул опасный, но уже совсем другой интерес. Охотничий. — Конференция остается в силе. Выведи мне эти графики на главный экран через пять минут. И приготовься — на этом созвоне ты будешь топить уральского директора лично. Посмотрим, насколько у тебя крепкие нервы, когда начнется бойня.

— Мои нервы выдержат, Руслан Дмитриевич, — ответила я, разворачиваясь к выходу.

И уже у самых дверей я не отказала себе в удовольствии добавить:

— Об уральском директоре я бы так не утверждала.

Глава 6

Пять минут — это катастрофически мало, когда тебе нужно подготовить публичную казнь человека, который в разы старше и опытнее тебя. Но адреналин уже хлынул в кровь, вытесняя любые зачатки страха.

Я ворвалась в приемную, бросила планшет на стол и пальцы тактическими ударами прошлись по клавиатуре рабочего компьютера. Графики, таблицы со скрытыми проводками, копии контрактов с уральскими застройщиками и местными брендами одежды — всё это я вывела на огромную интерактивную панель в конференц-зале.

Когда я занесла руку, чтобы нажать кнопку общего сбора, ладони слегка взмокли. Я сделала глубокий вдох. «Ты знала, куда шла, Кира. В логове монстра нельзя притворяться овечкой».

Ровно в 10:00 двенадцать экранов на стене конференц-зала ожили. Из разных часовых поясов на меня смотрели лица одиннадцати мужчин и одной женщины — элита холдинга, директора, управляющие судьбами тысяч моделей и контрактами на миллионы долларов. На двенадцатом экране появилось лощеное, слегка заплывшее лицо Олега Сафонова — того самого директора уральского филиала. Он вальяжно пил кофе, явно не подозревая, что под ним уже разгорается костер.

Дверь кабинета открылась, и вошел Воронцов. Пиджак идеального кроя сидел на нем как влитой, шаг был бесшумным, а аура — удушающей. Все директора на экранах мгновенно подобрались. Кофе Сафонова замер на полпути к рту.

Руслан сел во главе стола, даже не взглянув на меня, и сухо бросил в микрофон:

— Доброе утро. Сегодня мы начнем со спецдоклада. Моя личная ассистентка, Кира Романова, провела аудит некоторых наших регионов. Кира, тебе слово.

Одиннадцать пар глаз уставились на меня с легким пренебрежением — мол, что там может нарыть очередная секретарша? И только Сафонов на экране едва заметно нахмурился.

Я сделала шаг к панели и вывела на экран первый слайд. Красные маркеры кричали о нарушениях.

— Доброе утро, коллеги, — мой голос прозвучал на удивление твердо и звонко. — Начнем с Екатеринбурга. За последний квартал уральский филиал показал просадку по чистой прибыли на четырнадцать процентов. Официальная причина — отток моделей и снижение рекламного спроса. Однако реальная картина выглядит иначе.

Я кликнула пультом, открывая внутренние ведомости.

— Перед вами реальные гонорары, которые получали наши новые лица за съемки для бренда «Урал-Фэшн», и ведомости, отправленные в главный офис. Разница — триста процентов. Деньги выводились через подставное агентство

«Престиж-Кастинг», оформленное на двоюродную сестру господина Сафонова.

На экранах повисла мертвая, звенящая тишина. Лицо Сафонова мгновенно сменило цвет со здорового румянца на землисто-серый.

— Что за бред?! — рявкнул он из динамиков, теряя всю свою вальяжность. — Воронцов, ты кого набрал? Эта девчонка не понимает, как устроена региональная специфика! Это были представительские расходы на удержание контракта!

Я не дала ему перехватить инициативу. Никаких эмоций. Только факты.

— Специфика заключается в том, Олег Петрович, что три рекламных контракта с застройщиками вообще не прошли по нашей бухгалтерии. Наши топ-модели, включая Лину Коваль, две недели бесплатно светились на баннерах по всему Екатеринбургу. Вот копии договоров, которые вы подписали лично, и номера счетов, куда упал кэш.

Я вывела на экран его собственную подпись крупным планом.

— Вы воровали не просто у холдинга. Вы воровали лично у Руслана Дмитриевича.

Сафонов тяжело задышал, его взгляд заметался. Он пытался найти поддержку у других директоров, но те сидели тише воды, боясь даже вздохнуть. Все они прекрасно знали, что делает Воронцов с предателями.

Я украдкой бросила взгляд на Руслана. Он сидел, откинувшись на спинку кресла, переплетя пальцы рук. На его лице не было ни ярости, ни удивления. Только ледяная, сытая ухмылка хищника, который наблюдает за удачной охотой своей прирученной гончей. Он смотрел прямо на меня, и в глубине его темных глаз я увидела то, от чего по спине пробежали мурашки — искреннее, пугающее одобрение.

— Олег, — тихо произнес Руслан. Его голос не был громким, но Сафонов на экране вздрогнул, словно от удара хлыстом. — Через десять минут в твой офис войдут люди из нашей службы безопасности. Вместе с представителями прокуратуры.

— Руслан Дмитриевич, побойтесь бога! Я десять лет поднимал этот филиал! Это ошибка, подстава! Эта сучка всё сфабриковала! — Сафонов сорвался на визг, тыча пальцем в камеру.

— К 12:00 я жду от тебя полное признание и передачу всех дел, — равнодушно продолжил Воронцов, будто не слыша его криков. — В противном случае, ты сядешь очень надолго. Твой филиал временно переходит под прямое управление Москвы. Кира.

Я вздрогнула от того, как интимно и одновременно властно прозвучало мое имя из его уст.

— Да, Руслан Дмитриевич?

— Отключи Урал. Он нам больше не интересен, — приказал он.

Я нажала кнопку, и экран Сафонова погас, оставив в воздухе тяжелое эхо его краха. Остальные одиннадцать директоров на экранах сидели, вытянувшись по струнке, боясь пошевелиться.

— А теперь, — Воронцов медленно перевел взгляд на остальных участников конференции, — давайте обсудим ваши отчеты. Надеюсь, мне не придется отправлять Романову к кому-то еще?

Я отошла в тень конференц-зала, чувствуя, как внутри всё дрожит от пережитого напряжения. Но когда Руслан еще раз мазнул по мне своим нечитаемым, обжигающим взглядом, я поняла: это была лишь первая битва. И этот монстр только что убедился, что я могу кусаться так же больно, как и он сам.

Глава 7

Руслан

Когда последний экран на стене конференц-зала погас, в помещении остался только тихий гул кондиционера. Оставшиеся одиннадцать директоров отключались с таким облегчением, словно только что избежали электрического стула. И они были правы. Балласт я не прощаю, а Сафонов заигрался в бога на своем Урале, забыв, чье имя написано на фасаде этого здания.

Я медленно закрыл крышку ноутбука и перевел взгляд на угол комнаты.

Кира Романова стояла у интерактивной панели, все еще сжимая в руке пульт управления. Внешне — абсолютный монолит. Идеально прямая спина, подбородок приподнят, костюм сидит безупречно. Посмотришь со стороны — ледяная бизнес-леди, только что раздавившая топ-менеджера с десятилетним стажем. Но я слишком хорошо умел читать людей. Я видел едва заметную, частую пульсацию жилки на ее шее и то, как побелели ее пальцы, слишком сильно сжимающие пластик пульта.

Адреналин. Она была на пределе, но держала лицо так, что у меня внутри шевельнулось забытое чувство. Уважение.

Когда две недели назад HR-отдел принес мне ее резюме, я думал, что беру очередную временную куклу, которая сло-

мается через три дня от моего графика и характера. Предыдущий ассистент уволился с нервным срывом. А эта девчонка мало того что не сломалась, она залезла в закрытую отчетность уральского филиала, куда даже безопасники без моего пинка не совались.

Я поднялся с кресла и неторопливо пошел в ее сторону. Шаг за шагом, сокращая дистанцию. Мне хотелось увидеть, когда именно она отступит. Мужчины, весящие под центнер, бледнели, когда я подходил так близко.

Романова не двинулась с места. Только глаза, непривычно темные от расширившихся зрачков, следили за каждым моим движением.

— Неплохо, Романова, — произнес я, остановившись в полушаге от нее. — Очень неплохо для человека, который работает здесь всего четырнадцать дней.

— Я просто выполняю свою работу, Руслан Дмитриевич, — ответила она. Голос слегка вибрировал, но она справилась с ним, выровняв тон. Сама твердость.

Я протянул руку и забрал у нее пульт. Мои пальцы намеренно скользнули по ее коже. Холодная. Но ее мгновенно дернуло, словно от слабого разряда тока. О, она чувствует это напряжение. Чувствует, какого монстра только что накормила этой маленькой победой.

— Выполняешь работу? — я чуть наклонил голову, глядя на нее сверху вниз. — Ты только что публично уничтожила человека, который контролировал четверть нашего реги-

онального глянца. Сафонов мстителен. К вечеру он поймет, кто именно раскопал под него компромат. Ты понимаешь, что до конца дня его адвокаты и его люди перевернут всю твою жизнь вверх дном, пытаясь найти, чем тебя ударить?

В ее глазах не вспыхнуло страха. Вместо этого я увидел чистую, концентрированную дерзость.

— Моя жизнь прозрачна, Руслан Дмитриевич. А если его люди попытаются подойти ко мне ближе, чем на метр, это уже будет проблемой вашей службы безопасности. Я ведь ваш личный актив. А вы, насколько я успела изучить, свои активы никому не отдаете.

Я не выдержал и коротко усмехнулся. Дерзкая. Умная. И чертовски просчетливая. Она права: я не прощаю нападок на то, что принадлежит мне. А Романова за последние тридцать минут доказала, что она — слишком ценное приобретение, чтобы позволить Сафонову или кому-то еще ее тронуть.

Я отошел к окну, засунув руки в карманы брюк. За стеклом шумела Москва, где-то там крутились мои пятьдесят тысяч сотрудников, но сейчас всё мое внимание было приковано к этой девчонке.

— Служба безопасности уже получила приказ взять тебя под круглосуточную охрану, — сухо бросил я, возвращаясь к деловому тону. — И не потому, что я такой заботливый. Просто у меня нет времени искать новую ассистентку, которая умеет так изящно топить воров.

Я повернулся к ней. Кира едва заметно выдохнула — пле-

чи чуть опустились. Думает, бой окончен? Нет, девочка, всё только начинается.

— В двенадцать у нас Париж, — напомнил я, глядя на часы. — Инвесторы из LVMH будут капризничать. Мне нужно, чтобы ты подготовила аналитику по нашим парижским релизам. И, Романова...

— Да? — она уже сделала шаг к выходу, но замерла.

— С сегодняшнего дня твой оклад увеличен вдвое. Но и спрашивать я с тебя буду втрое строже. Иди.

Она кивнула — профессионально, сдержанно — и вышла из конференц-зала.

Я посмотрел на закрывшуюся дверь. Моя новая ассистентка определенно была опасной игрушкой. Но я любил опасность. Она заставляла чувствовать себя живым.

Глава 8

Кира

Руки перестали дрожать только тогда, когда я опустилась в свое рабочее кресло. В ту же секунду правый угол монитора мигнул внутренним уведомлением от HR-системы: «Внесены изменения в трудовой договор. Оклад изменен». Цифра, появившаяся на экране, заставила меня зажмуриться, а затем прерывисто выдохнуть.

Действительно вдвое. Монстр держал свое слово. Но я слишком хорошо понимала: эти деньги — не подарок за красивые глаза. Это плата за риск, за работу на передовой и за то, что теперь я официально нахожусь в его личной зоне влияния. А из этой зоны живым и невредимым еще никто не выходил.

— Кира Владимировна? — над моим столом выросла массивная фигура в безупречном темном костюме.

Я вздрогнула и подняла голову. Мужчина лет сорока, с короткой стрижкой, цепким взглядом военных и едва заметным шрамом на подбородке. Он появился абсолютно бесшумно.

— Меня зовут Глеб, я начальник личной охраны Руслана Дмитриевича, — спокойно представился он, слегка склонив голову. — С этой минуты два моих человека закреплены за вами. Проводят до машины, встретят утром у подъезда, бу-

дут сопровождать на выездных мероприятиях. Вот моя визитка. Любое изменение в вашем маршруте вне работы — сообщать мне лично за два часа.

Я взяла плотный картон. На нем был только мобильный номер. Без должностей и имен.

— Воронцов настолько боится Сафонова? — тихо спросила я, убирая визитку в ящик стола.

Глеб позволил себе едва заметную, холодную ухмылку.

— Руслан Дмитриевич вообще ничего не боится, Кира Владимировна. Но он очень не любит, когда портят его вещи. Простите, его сотрудников. Отдыхайте, я буду в приемной.

«Его вещи» — мысленно повторила я, когда начальник охраны отошел к дверям. Да, пожалуй, это самое точное определение моего нового статуса.

Времени на рефлексии не оставалось. На часах было 11:40, а в двенадцать французы из LVMH ждали нас на связь. Париж не прощал опозданий, а тем более — сырых цифр. Я открыла закрытую базу данных европейского направления холдинга. Предстоял тяжелый раунд: французы хотели эксклюзивные контракты на тридцать наших лучших топ-моделей для грядущей Недели моды в Париже, но пытались сбить цену за счет объемов.

В 11:55 я вошла в кабинет Воронцова с обновленными распечатками и планшетом.

Руслан уже сидел за своим массивным столом из черного дуба. Пиджак снят, рукава рубашки небрежно закатаны до

локтей, обнажая сильные предплечья. Он просматривал какие-то бумаги, но стоило мне переступить порог, как его тяжелый, изучающий взгляд мгновенно переместился на меня.

— СБ доложила, что инструктаж проведен, — вместо приветствия произнес он. — Привыкай, Романова. Это твоя новая реальность.

— Я уже привыкла, Руслан Дмитриевич, — я положила перед ним папку. — Вот аналитика по Парижу. Французы будут давить на то, что их кампейны поднимут медийный рейтинг наших девочек на тридцать процентов, и на этом основании потребуют скидку в пятнадцать процентов на гоночары.

Воронцов мазнул взглядом по верхнему листу, затем снова посмотрел на меня. На его губах заиграла та самая опасная ухмылка, которую я видела на селекторе.

— И что ты предлагаешь?

— Не уступать ни цента, — я вывела на планшете график европейских охватов. — Медийный рейтинг LVMH сейчас держится на азиатском рынке, а в Европе у них стагнация. Наши модели — это их единственный шанс зацепить зумеров в этом сезоне. Они нуждаются в нас больше, чем мы в них. Если они начнут давить, мы покажем им графики вовлеченности аудитории Лины Коваль. Она одна делает им половину продаж.

Руслан медленно откинулся на спинку кресла, не сводя с меня глаз. Напряжение в кабинете сгустилось так, что каза-

лось, его можно потрогать руками. Между нами снова возник этот странный, вибрирующий воздух — смесь делового азарта и чего-то гораздо более глубокого, темного.

— Знаешь, Романова, — тихо, с легкой хрипотцой в голосе произнес он, — иногда мне кажется, что в твоём теле живет акула. Такая маленькая, белая, которая только что почувствовала вкус крови и теперь хочет перекусить пополам пару французских миллиардеров.

— Я просто защищаю интересы холдинга, — ответила я, глядя ему прямо в глаза и сознательно игнорируя то, как сладко и одновременно тревожно заныло где-то под ребрами от его слов.

— Посмотрим, — Руслан бросил взгляд на часы на стене. Ровно 12:00. — Включай связь. Пора показать Парижу, кто диктует условия в этом бизнесе.

Глава 9

Руслан

Большие экраны на стене моего кабинета снова ожили, но теперь вместо серой уральской студии на них транслировался залитый солнцем роскошный офис на авеню Монтень. Пьер Дюпон, один из ключевых топ-менеджеров французского конгломерата, сидел в окружении своей свиты из юристов и аналитиков. Французы выглядели безупречно, улыбались изысканно, но за этой безупречностью скрывалась обычная деловая хватка стервятников.

— Руслан, дорогой друг, рад тебя видеть! — Пьер заговорил на чистом английском, расточая дежурные комплименты. — Твой холдинг превосходит сам себя. Новые лица из восточноевропейского блока — это просто триумф.

Я едва заметно кивнул, даже не думая улыбаться в ответ.

— Ближе к делу, Пьер. У меня мало времени. Тридцать топ-моделей для вашей Недели моды. Вы получили наши условия.

Француз картинно вздохнул, сцепив пальцы в замок. Начался их любимый танец.

— Твои условия, как всегда, монументальны, Руслан. Но давай смотреть на вещи трезво. Рынок штормит. Мы готовы подписать эксклюзив на весь пул девочек, но нам нужна скидка. Пятнадцать процентов. Взамен мы гарантируем им

контракты, которые поднимут их медийный рейтинг минимум на треть. Это же чистая синергия.

Я не ответил. Просто откинулся на спинку кресла, крутя в пальцах дорогую ручку, и перевел взгляд на Романову. Она стояла чуть позади, справа от меня. В ее глазах не было ни капли робости перед парижскими боссами. Она ждала моего сигнала, как породистая борзая перед командой «фас».

Я едва заметно кивнул ей.

— Мой личный ассистент и ведущий аналитик, Кира Романова, ознакомит вас с нашей позицией, Пьер.

Французы на экране удивленно приподняли брови. Дюпон снисходительно улыбнулся, оценивая внешность Киры — видимо, принял её за очередное украшение моего кабинета. Обычная ошибка идиотов, которые судят по обертке.

— О, прошу вас, мадемуазель, — приторным тоном произнес Пьер.

Кира сделала шаг вперед, и её голос — ледяной, четкий, без малейшего акцента — разрезал тишину кабинета:

— Господин Дюпон, ваши аргументы про синергию были бы убедительны, если бы не один нюанс. Вот аналитика вовлеченности европейской аудитории вашего бренда за последний квартал, — она сделала взмах рукой, перенаправляя графики со своего планшета на общий экран. — У вас стагнация на ключевых рынках Франции и Италии. Падение интереса среди зумеров — девять процентов. Единственное, что держит ваши продажи на плаву — это азиатский сектор.

Улыбка Пьера начала медленно сползать с лица. Его аналитики за экраном зашевелились, утыкаясь в свои мониторы.

— Наш холдинг предоставляет вам Лину Коваль и еще двадцать девять лиц, которые имеют пиковые охваты именно в той нише, которую вы теряете, — безжалостно продолжала Кира, чеканя каждое слово. — Это не вы поднимаете их рейтинг. Это наши модели реанимируют кампейн вашей осенней коллекции. Без Лины Коваль ваше шоу в Париже соберет на сорок процентов меньше просмотров в соцсетях. Поэтому никаких пятнадцати процентов скидки. Цена окончательная. И если вы не подпишете контракт в течение получаса, мы уходим к вашим прямым конкурентам — они прислали оффер еще утром.

В кабинете повисла мертвая тишина. Я смотрел на Романову со спины, оценивая, как идеально сидит на ней строгий жакет, и внутри росло черное, хищное удовлетворение. Она не просто защищала мои деньги — она делала это с грацией палача.

— Руслан... — Пьер попытался перехватить инициативу, его голос стал жестче. — Твоя новая сотрудница очаровательна, но её тон слишком ультимативен. Мы не привыкли к такому обращению.

Я положил ручку на стол и подался вперед, заглядывая прямо в объектив камеры.

— Она говорит от моего имени, Пьер. И она чертовски

права. Вы стагнируете. Мои девочки — ваш спасательный круг. Время пошло. У вас тридцать минут, чтобы прислать подписанный договор. Либо я звоню в Милан.

Я нажал кнопку отсечения связи. Экраны погасли.

В кабинете снова остались только мы двоих. Я медленно поднялся со своего места. Напряжение между нами, подписанное только что выигранной схваткой, стало почти осязаемым. Воздух казался наэлектризованным.

Я подошел к ней вплотную. Кира тяжело дышала, ее щеки слегка порозовели от волнения, но она упрямо закинула голову, встречая мой взгляд.

— «Маленькая белая акула», говоришь? — тихо произнес я, останавливаясь в паре сантиметров от ее лица. Я чувствовал тонкий шлейф ее парфюма — что-то с нотами горького апельсина и дорогой кожи. — Ты разорвала их, Романова. Из Пьера едва песок не посыпался.

— Я сделала то, ради чего вы мне платите, Руслан Дмитриевич, — её голос сорвался на шепот, но взгляд остался прямым. Она контролировала разум, но её тело выдавало её — я видел, как быстро вздымается её грудь под блузкой.

— Ты сделала больше, — я протянул руку, мои пальцы медленно, едва касаясь, очертили линию ее подбородка. Кожа была шелковистой, но под ней скрывался стальной каркас. — Ты заставила меня получить удовольствие от этих скучных переговоров. А это дорогого стоит.

В эту секунду на моем столе пискнул селектор. Голос сек-

ретарши из приемной нарушил интимность момента:

— Руслан Дмитриевич, французы прислали подписанный контракт на ваших условиях. И... к вам приехал начальник службы безопасности. Это срочно. По поводу Олега Сафонова.

Кира едва заметно вздрогнула, и это движение заставило меня разорвать контакт. Я убрал руку, возвращая лицу холодное, рабочее выражение.

Сафонов решил сделать свой ход быстрее, чем я думал. Что ж. Посмотрим, насколько далеко он готов зайти.

Глава 10

Кира

Прикосновение пальцев Руслана все еще горело на моей коже фантомным теплом, но воздух в кабинете мгновенно остыл. Секунду назад этот человек стоял так близко, что я чувствовала жар его тела, а теперь передо мной снова был ледяной, расчетливый босс. Он отступил на шаг, возвращая лицу деловое выражение.

— Впусти его, — коротко бросил Воронцов в селектор.

Дверь открылась, и в кабинет вошел Глеб. Никакой паники на его лице не было — обычная рабочая собранность.

— Руслан Дмитриевич, уральская служба безопасности отработала четко, — доложил он, присаживаясь к столу. — Сафонова заблокировали в его кабинете прямо во время селектора. Наш юрист из екатеринбургского филиала уже положил перед ним два документа: заявление на увольнение по соглашению сторон без выходного пособия и обязательство о полном возмещении ущерба в досудебном порядке.

Я тихо выдохнула. Слава богу. Обычная корпоративная процедура. Никаких драм.

— И как наш уральский барон? — усмехнулся Руслан, садясь в кресло. — Подписал?

— Поторговался для приличия, покричал, но когда ему показали собранную Кирой Владимировной папку с номе-

рами счетов — сломался. Подписал всё, включая передачу своих долей в местном рекламном агентстве в счет погашения долга. Сейчас он собирает личные вещи под присмотром охраны холдинга. К вечеру уральский офис будет полностью очищен от его людей.

— Отлично, — кивнул Воронцов. — Сафонов свободен. Пусть катится на все четыре стороны, в нашем бизнесе он больше и собачьей будки не возглавит с такой волчьей меткой.

Глеб кивнул, поднялся и, вежливо попрощавшись, вышел. Тема с Сафоновым была закрыта за какие-то пятнадцать минут. Тихо, буднично, без единого выстрела и громких заголовков в прессе.

Я перевела взгляд на Руслана. Напряжение, которое искрило между нами до прихода начальника СБ, никуда не делось, но теперь оно сменилось легкой усталостью после тяжелого дня.

— Ну вот и всё, Романова, — негромко произнес он, глядя на меня уставшими, но всё еще пронизательными глазами. — Твое первое боевое крещение окончено. Уральский филиал обезглавлен.

— Рада, что всё закончилось цивилизованно, Руслан Дмитриевич, — я улыбнулась, чувствуя, как с плеч свалился огромный груз. — Раз вопросов больше нет, я пойду в приемную? Мой рабочий день, вообще-то, близится к концу.

— Куда это ты собралась? — Руслан выгнул бровь, и в его

глазах снова промелькнул тот самый дразнящий, «монструозный» огонек. — Сафонов-то уволен, но Екатеринбург теперь под моим прямым управлением. Там зависли контракты пятисот моделей, тридцать текущих съемок и бухгалтерия, которую нужно переоформить на московский офис до завтрашнего утра.

Я замерла у двери.

— Хотите сказать?..

— Хочу сказать, Романова, что из-за твоей утренней инициативы мы оба сегодня застряли здесь очень надолго, — он выразительно посмотрел на часы. — Юристы пришлют первую партию документов на подпись через полчаса. Так что снимай пальто, возвращайся за стол и закажи нам в кабинет какой-нибудь приличный ужин. Работы у нас до полуночи минимум.

Я посмотрела на стопку папок, которую уже готовил к распечатке принтер, потом на Руслана, который расстегнул верхнюю пуговицу рубашки и устало потер переносицу.

Остаться с ним один на один в пустом ночном офисе, разгребая последствия нашей маленькой победы — это было совсем не то же самое, что прятаться в его охраняемом пентхаусе. Это было гораздо более... интимно. И, признаться честно, пугало меня куда сильнее любого Сафонова.

— Будет сделано, Руслан Дмитриевич, — ответила я, возвращаясь к своему планшету. — Стейки или суши?

— Стейки, — не глядя на меня, отозвался он, но я отчет-

ливо увидела, как губ Воронцова коснулась легкая, довольная ухмылка. — И побольше кофе, Кира. Ночь будет долгой.

Глава 11

Утро следующего дня началось с двойной порции эспрессо и тяжелой гудящей головы. Ночь мы провели за изучением уральских архивов, и к рассвету папка Сафонова была окончательно закрыта. Я думала, что заслужила хотя бы спокойный день в приемной, но у Воронцова на этот счет всегда были свои планы.

Около полудня на его рабочем планшете, который лежал на моем столе, глухо звякнуло оповещение. Особый, приоритетный сигнал. Я заглянула в экран и увидела всплывшее приглашение с золотым тиснением в цифровом формате.

«Закрытый показ весенней коллекции бренда “Арно & Ко”. Завтра в 19:00. VIP-ложа».

Я взяла планшет и вошла в кабинет Руслана. Он уже был на ногах — свежий, собранный, словно и не он спал сегодня всего три часа на диване в перерывах между проверками аудит-отчетов.

— Руслан Дмитриевич, пришло официальное приглашение от Жана-Поля Арно. Показ завтра вечером, — я положила планшет перед ним. — Вносить в календарь? Вы пойдете?

Воронцов мазнул взглядом по экрану, а затем поднял глаза на меня. В его взгляде промелькнула странная, оценивающая искра.

— Пойду, — коротко бросил он. — И ты идешь со мной. Я замерла, решив, что мне послышалось.

— Простите? Зачем мне идти? Моя работа — обеспечивать ваш график здесь, в офисе. Сопровождение на светских раутах не входит в обязанности ассистента.

— Романова, не спорь, — Руслан откинулся на спинку кресла. — Завтра на показе Арно соберутся все представители LVMH, с которыми мы вчера подписали контракт. Там будет пресса, будут наши конкуренты из Милана. После уральского инцидента мне нужно показать рынку абсолютную стабильность. Ты — мое новое доверенное лицо. Твое присутствие рядом со мной на официальном вечере закроет все вопросы у прессы раз и навсегда.

— Но я... — я попыталась найти хоть один весомый аргумент, понимая, что появление на таком мероприятии под ручку с Воронцовым — это прямой шаг в эпицентр сплетен.

— Купи себе приличное вечернее платье, счет закроешь за счет компании, — перебил он, возвращаясь к бумагам. — Глеб отвезет тебя в шоурум. Завтра в шесть вечера ты должна быть готова. Свободна.

Я вышла из кабинета, чувствуя, как внутри закипает глухое раздражение пополам с непонятной, тревожной дрожью. Монстр забирал себе не только мое рабочее время. Он медленно, шаг за шагом, втягивал меня в свой личный мир.

Атмосфера закрытого показа душила своей роскошью. Огромный павильон старой фабрики переоборудовали в фу-

туристический подиум. Повсюду вспыхивали софиты, шуршал дорогой шелк, а запах селективного парфюма смешивался с ароматом шампанского.

На мне было простое, но идеально скроенное темно-изумрудное платье в пол с открытыми плечами, которое Глеб помог выбрать в шоуруме. Руслан, шедший рядом в безупречном смокинге, приковывал к себе взгляды всех женщин в радиусе ста метров. Я чувствовала себя так, словно шла рядом с опасным, хищным леопардом — красиво, но в любую секунду может перегрызть горло.

Мы только успели поздороваться с парой французских инвесторов, как к нам со стороны бэкстейджа подбежала бледная, растрепанная девушка-организатор. Из её рации доносились панические крики.

— Руслан Дмитриевич! Слава богу, вы здесь! — она едва не плакала, хватая Воронцова за рукав. — У нас ЧП. На бэкстейдже катастрофа!

Руслан нахмурился, его аура мгновенно потяжелела.

— Что случилось? Сбавь тон и говори внятно.

— Лина Коваль... ваша топ-модель, которая должна закрывать показ в главном платье коллекции... Она только что упала на лестнице за кулисами! Подвернула лодыжку, нога мгновенно опухла, она ходить не может, не то что на шпильках! Жан-Поль в истерике, он грозит отменить финальный выход!

Воронцов жестко выругался сквозь зубы. Финальный вы-

ход в платье от Арно — это были центральные кадры для всех модных журналов мира, под которые холдинг уже заложил миллионные рекламные бюджеты. Срыв показа означал колоссальные убытки и репутационный удар.

— Ищите замену, — ледяным тоном приказал Руслан. — В холдинге мало вешалок её роста? Ткните в любую из первой десятки.

— В том-то и дело, что платье! — девушка всплеснула руками. — Это эксклюзивный кутюр, сшитый строго под параметры Лины. Корсет жесткий, его невозможно перешить за пять минут! У нас есть девочки её роста, но они либо слишком худые, либо шире в бедрах, корсет просто висит или не застегивается! Мы примерили на троих — всё мимо! Жан-Поль орет, что шоу сорвано!

Я стояла рядом, слушая этот хаос, и искренне сочувствовала бедной девушке. Вдруг Руслан замолчал. Его тяжелый, сканирующий взгляд медленно переместился с организатора на меня.

Он окинул меня взглядом сверху вниз — от прически до подола изумрудного платья. В его глазах загорелся тот самый опасный, просчетливый огонь, который я научилась панически бояться.

— Романова, — тихо произнес он.

У меня внутри всё оборвалось.

— Нет. Даже не думайте, Руслан Дмитриевич.

— Твой рост — метр семьдесят восемь. Объем груди и

талии один в один как у Коваль, я видел твои медицинские карты при приеме на работу, — его голос звучал как приговор. Он схватил меня за локоть и буквально потащил за кулисы. — У нас нет времени. Ты идешь на подиум.

— Вы с ума сошли?! — я попыталась вырваться, но его хватка была стальной. Мы влетели в душный, сумасшедший мир бэкстейджа, где повсюду бегали полуголые модели и кричали стилисты. — Я ассистент! Я сижу с таблицами Excel! Руслан, отпустите меня, я без понятия, как это делать! Я никогда в жизни не ходила по подиуму!

Глава 12

Безумие бэкстейджа обрушилось на меня оглушительной волной. Здесь, за кулисами роскошного футуристического подиума, глянцевоый лоск высокой моды мгновенно испарялся, уступая место концентрированному хаосу. Пахло лаком для волос, обжигающим утюгом, дорогим парфюмом и чистым, дистиллированным страхом. Полуголые топ-модели метались между вешалками, стилисты с пучками шпилек в зубах с корнем вырывали молнии из одежды, а координаторы шоу кричали в рации так, словно от этого зависела судьба человечества.

И посреди всего этого ада меня, не сбавляя шага, тащил за собой Воронцов. Его хватка на моем локте была железной — не вырваться, не повернуться назад. Его смокинг сидел на нем безупречно даже в этой суматохе, а лицо выражало ту самую ледяную, бульдожью решимость, перед которой пасовали международные суды.

— Руслан Дмитриевич, пустите меня! Это абсурд! — я попыталась упереться каблуками в бетонный пол, но он даже не заметил моего сопротивления, увлекая меня за ширму, где у зеркала сидела заплаканная Лина Коваль.

Её лодыжка уже покоилась на льду, а вокруг суетился личный врач холдинга. Чуть в стороне, обхватив голову руками, метался сам Жан-Поль Арно — гений современной моды,

чье лицо сейчас выражало крайнюю степень экзистенциального ужаса.

— Руслан! Это катастрофа! Финал уничтожен! Шоу мертво! — запричитал кутюрье на французском, заметив Воронцова. — Платье-символ коллекции! Оно не сядет ни на одну из этих костлявых вешалок, корсет сделан под Лину!

Воронцов резко остановился, наконец отпустив мою руку. Я тут же отступила на шаг, тяжело дыша и потирая покрасневшую кожу на запястье. В моих глазах горела ярость. Я была готова высказать этому человеку всё, что думаю о его авторитарных методах управления, но Руслан даже не дал мне открыть рот.

Он повернулся к Арно и указал на меня длинным, властным жестом.

— Вот тебе замена, Жан-Поль. Рост метр семьдесят восемь. Параметры идентичны. Неси платье.

Француз замер. Его заплаканные глаза медленно сфокусировались на мне. Он обошел меня по кругу, бесцеремонно оценивая взглядом архитектуру моих плеч, изгиб талии и длину ног в темно-изумрудном вечернем платье. На секунду в его глазах вспыхнул фанатичный огонек творца.

— О... Mon Dieu... — прошептал он. — Эти пропорции... Это даже более структурно, чем у Лины. Но кто она? Она умеет ходить?

— Она моя ассистентка, — отрезал Руслан. — И она пойдет так, как мне нужно. Жан-Поль, у тебя пять минут, чтобы

переодеть её. Глеб, никого не впускать за ширму.

— Да вы с ума сошли! — мой голос сорвался на шипение. Я сделала шаг вперед, сокращая дистанцию между мной и Воронцовым до минимума. Нас разделяли жалкие сантиметры. Я чувствовала, как от него исходит волна подавляющей, тяжелой мужской энергии, но я упрямо вздернула подбородок, глядя прямо в его обжигающие темные глаза. — Руслан Дмитриевич, при всем моем уважении к вашим пятидесяти тысячам сотрудников и миллионным контрактам — нет! Я не ваша марионетка. Я финансовый аналитик. Мое рабочее место — за компьютером с таблицами, а не на подиуме под прицелом сотен камер!

— Романова, — его голос упал до опасного, вкрадчивого шепота, от которого по спине пробежали мурашки. Он чуть наклонился ко мне, заставляя меня буквально вжиматься спиной в вешалку с кутюрными нарядами. — Сейчас мне плевать, кто ты по диплому. На кону стоит репутация холдинга и контракт с LVMH, который мы с тобой выгрызали вчера у французов. Если финальное платье не выйдет на подиум, завтра утром акции компании упадут, а пресса смешает наше имя с грязью. Ты вчера кричала мне в кабинете, что ты мой «ценный актив»? Так докажи это.

— Отрабатывать контракты на подиуме своим телом не входит в мои обязанности! — я почувствовала, как к щекам прилил горячий румянец от возмущения. — Я понятия не имею, как ходить перед камерами. Я упаду на первом же мет-

ре, и это будет еще больший позор для вашей империи! На найдите профессиональную модель, у вас их тысячи!

— Мне не нужна любая модель. Мне нужно, чтобы это платье сидело идеально. И оно сядет на тебя, — Руслан заговорил жестко, чеканя каждое слово. Его взгляд скользнул по моим губам, а затем снова вернулся к глазам. Это была чистая, неприкрытая борьба воли. Он пытался сломать мое сопротивление, подчинить своей железной логике, как делал со всеми вокруг. — Или что, Романова? Ты просто испугалась? Вчера ты с легкостью уничтожила уральского директора, который был вдвое старше тебя, а сегодня струсила перед куском ткани и парой сотен фотографов? Куда делась твоя хваленая хватка белой акулы?

Этот удар был низким. Он бил по моему самому уязвимо-му месту — по моей гордости. По моему стремлению никогда, ни перед кем не выглядеть слабой. Особенно перед ним.

Я сузила глаза, чувствуя, как внутри страх мгновенно перегорает, превращаясь в холодную, звенящую ярость. Мои пальцы сжались в кулаки.

— Я не боюсь, Руслан Дмитриевич, — процедила я сквозь зубы, удерживая его тяжелый взгляд. — Я просто ценю свою независимость. Но если вы хотите увидеть, как ваша «акула» справляется с вашими же кризисами — хорошо. Я выйду. Но учтите: после этого мы очень серьезно пересмотрим условия моего контракта.

На долю секунды на лице Воронцова промелькнула тень

удивления, которая тут же сменилась ухмылкой хищника, довольного тем, что его вызов принят.

— Пересмотрим, Романова. А теперь — в девичью. Жан-Поль, забирай её.

Следующие пятнадцать минут превратились для меня в сплошной кошмар наяву. Французские ассистенты сорвали с меня изумрудное платье так быстро, что я едва успела пикнуть. А затем на меня опустилось оно.

Финальный наряд от Жана-Поля Арно был шедевром концептуального кутюра. Корсет из тяжелого, матового черного шелка со скрытыми металлическими пластинами, которые буквально зажали мои ребра в тиски. Мне пришлось сделать глубокий выдох, чтобы ассистенты смогли затянуть шнуровку на спине. Корсет держал осанку так жестко, что я физически не могла ссутулиться — грудь приподнялась, плечи развернулись сами собой. Юбка представляла собой сложную, многослойную конструкцию из тончайшей серебряной сетки и парчи, которая при каждом движении шуршала, словно чешуя фантастической рыбы.

— Великолепно! Идеально! Божественно! — Арно бегал вокруг меня, поправляя складки. — Коваль была слишком мягкой для этого образа. Ты, дорогая моя, выглядишь в нем как ледяная королева, готовая казнить своих подданных!

На меня тут же налетели три визажиста. Мою естественную помаду стерли, заменив её на глубокий, почти черный винный цвет. Глаза подчеркнули резкими, графичными

стрелками, визуально сделав взгляд еще более холодным и пронзительным. Волосы за считанные минуты зачесали назад и зафиксировали лаком до состояния зеркального блеска.

Я посмотрела в зеркало и не узнала себя. Из отражения на меня глядело чужое, хищное, невероятно красивое и пугающее существо. Это была не Кира-помощница. Это было оружие, созданное для того, чтобы сокрушать.

— Три минуты до финального выхода! — рывкнул кто-то в рацию за ширмой.

Я сделала шаг на огромных четырнадцатисантиметровых шпильках, которые мне выдали вместо моих туфель. Земля ушла из-под ног. Колени на секунду подогнулись, и я едва не схватилась за край стола. Моё сердце колотилось в горле, дыхание из-за корсета было поверхностным и частым. Страх возвращался, липкий и парализующий. Зачем я согласилась? Зачем я поддалась на его провокацию?

Ширма раздвинулась. Я вышла в общий коридор бэкстейджа, едва балансируя на этих проклятых каблуках.

У самого выхода на подиум стоял Воронцов. Он разговаривал с кем-то по телефону, но стоило мне появиться, как он замолчал на полуслове и медленно опустил руку с аппаратом.

Его взгляд изменился. Больше не было той пренебрежительной уверенности. Руслан смотрел на меня так, словно впервые увидел во мне не просто полезного сотрудника или

дерзкую девчонку. В его глазах вспыхнул опасный, тяжелый мужской интерес, от которого у меня перехватило дыхание сильнее, чем от затянутого корсета. Он медленно прошелся взглядом по моей открытой шее, очерченной линии плеч, замер на темных губах и встретился со мной глазами.

— Ну что, Руслан Дмитриевич, — я остановилась в двух шагах от него, отчаянно пытаюсь скрыть, как сильно дрожат мои колени. Мой голос, благодаря темной помаде и злости, прозвучал глухо и низко. — Ваша вешалка готова к выходу. Надеюсь, вы застраховали это платье, потому что если я упаду, я соберу за собой все декорации.

Воронцов сделал шаг вперед. Он протянул руку и медленно, с каким-то странным, почти интимным вниманием, поправил воротник моего жесткого корсета у самой ключицы. Его пальцы были горячими, и это мимолетное прикосновение отозвалось во мне резким ударом тока.

— Ты не упадешь, Кира, — тихо произнес он, впервые назвав меня по имени без отчества в рабочей обстановке. Его голос вибрировал от странного напряжения. — В тебе слишком много гордости, чтобы позволить себе упасть на глазах у сотен людей. Смотри только вперед. Не смотри на камеры, не смотри на лица. Подиум принадлежит тебе. Представь, что все они — просто цифры в твоём отчете, которые нужно упорядочить.

Я посмотрела в его темные, гипнотические глаза и вдруг поняла: он прав. Этот человек знал меня лучше, чем я сама

за эти две недели. Он знал, на каких струнах моей души нужно сыграть, чтобы заставить меня выдать максимум. Это было пугающе и восхитительно одновременно. Наше противостояние характеров не закончилось — оно просто перешло на совершенно новый, опасный уровень, где грани между работой и личным стирались с катастрофической скоростью.

— Выход финала через десять секунд! — закричал режиссер показа, толкая меня в спину к темному проему, за которым бушевала музыка и вспыхивали сотни софитов.

Я бросила на Руслана последний, отчаянный взгляд. Он коротко кивнул мне — уверенно, жестко, передавая свою стальную уверенность.

— Иди, акула, — негромко бросил он вслед.

Я сделала глубокий, насколько позволял корсет, вдох, закинула голову, выпрямила спину и шагнула из полумрака бэкстейджа прямо под ослепительный, режущий глаза свет прожекторов. Грохот басов ударил по барабанным перепонкам, а впереди бесконечной узкой полосой растянулся подиум, окруженный сотнями лиц и объективов. Игра началась.

Глава 13

Руслан

Я смотрел ей в спину, пока шуршащий серебряный подол её платья не скрылся в ослепительном, режущем глаза мареве софитов.

«Иди, акула».

Слова еще висели в душном воздухе бэкстейджа, а я уже ловил себя на мысли, что совершил либо самый гениальный, либо самый идиотский поступок в своей карьере. Выпустить на подиум в финале кутюрного показа девчонку, которая еще вчера перебирала уральские счета и составляла мне графики совещаний — это было чистым, неразбавленным безумием. Любой совет директоров за такую импровизацию снял бы с меня голову. Конкуренты завтра утром сожрали бы меня в прессе, упади она на глазах у сотен фотографов.

Но я знал, что она не упадет.

В Кире Владимировне Романовой было то, чего не купишь ни за какие деньги холдинга и чему не научишь ни в одной модельной школе. Гордость. Дикая, первобытная, стальная гордость, которая не позволяла ей гнуться даже под моим давлением. Я видел, как дрожали её колени секунду назад, видел, как панически билась жилка на её шее, но её взгляд... Этот упрямый, злой взгляд обещал скорее сжечь этот павильон дотла, чем позволить себе проявить слабость.

Я медленно подошел к техническому монитору, у которого замер режиссер показа. Жан-Поль Арно стоял рядом, вцепившись пальцами в свои растрепанные волосы, и беззвучно молился на французском.

— Переключи на центральную камеру, — сухо приказал я режиссеру.

На экране появилось изображение подиума высокого разрешения. Басы электронной музыки били по барабанным перепонкам даже здесь, за кулисами. И в этот грохот, под ослепительные лучи белых прожекторов, ступила Кира.

У меня внутри что-то хищно повернулось.

Она шла не так, как ходили мои профессиональные топ-модели. Те плыли, плавно покачивая бедрами, транслируя залу отрешенную, сытую сексуальность. Кира шла иначе. Она маршировала. Её длинные ноги на безумных шпильках вбивались в глянцевый пластик подиума с такой силой, словно она хотела пробить его насквозь. Тяжелый корсет намертво зафиксировал её спину, заставляя расправленные плечи выглядеть монументально. Серебряная сетка юбки шуршала, взлетая при каждом шаге, словно жидкий металл.

Но главным было её лицо. Визажисты проделали гениальную работу, но они лишь подчеркнули то, что уже было внутри. Черные графичные стрелки сделали её взгляд раскосым и смертоносным, а темные, винные губы были плотно сжаты. Она смотрела прямо перед собой — холодно, высокомерно, с легким оттенком презрения к этой гламурной толпе, рази-

нувшей рты вниз.

В зале повисла странная, звенящая тишина. Словно люди не понимали, кто перед ними, но подсознательно чувствовали исходящую от нее угрозу и силу. А затем, словно по команде, софиты и вспышки камер застрочили с утроенной силой. Зал взорвался белым глянцевым обстрелом.

— Mon Dieu... — выдохнул Арно, и его пальцы наконец разжались. — Посмотри на это, Руслан. Она не просто несет платье. Она казнит этот зал. Это невероятно. Это чистый секс, завернутый во льды Арктики.

Я не ответил Жану-Полю. Мой взгляд был прикован к первому ряду VIP-ложи. Там, среди прочих модных магнатов, сидел Пьер Дюпон — тот самый француз из LVMH, которого Кира вчера хладнокровно шантажировала на переговорах. Пьер подался вперед, его изысканные очки в роговой оправе чуть сползли на переносицу. Он хищно прищурился, вглядываясь в лицо Киры, а затем перевел взгляд вглубь бэкстейджа, словно знал, что я стою там и наблюдаю за ним.

Дюпон думал, что я разыграл многоходовку. Он решил, что вчерашний ультиматум и сегодняшнее появление новой, скрываемой до этого момента супермодели — это часть моего грандиозного плана по повышению ставок холдинга. Француз был уверен, что я просчитал каждый шаг.

«Пусть думает», — жестко усмехнулся я про себя. В бизнесе репутация гениального кукловода стоит дорого. И Кира только что подарила мне эту репутацию на серебряном блю-

де.

Тем временем на экране Романова дошла до точки невозврата — самого края подиума, где объективы сотен фотоаппаратов смотрели на нее снизу вверх. Она замерла на долю секунды. Сделала медленный, тягучий разворот, шлейф парчи взметнулся вокруг её ног. Перед тем как пойти назад, её глаза на мгновение нашли объектив центральной камеры.

Я готов был поклясться, что в этот момент она смотрела не в объектив. Она смотрела лично на меня, сквозь стекло монитора. Злая, торжествующая, выжившая.

Когда её фигура скрылась за кулисами, зал павильона буквально содрогнулся от аплодисментов. Показ был спасен. Более того, это был триумф, о котором завтра будут трубить все модные издания от Парижа до Нью-Йорка.

Как только Кира переступила порог бэкстейджа, маска «ледяной королевы» с нее мгновенно слетела. Она тяжело, судорожно дышала, её плечи заметно подрагивали под жестким каркасом платья. Она сделала несколько неуверенных шагов вглубь коридора и буквально прислонилась спиной к бетонной стене, закрыв глаза.

К ней тут же бросился Арно с криками восторга, за ним бежали ассистенты с шампанским, но я поднял руку, останавливая эту толпу.

— Всем назад, — негромко, но непреклонно скомандовал я. Мой голос подействовал как ушат холодной воды. Стилисты и координаторы замерли. — Оставьте её в покое на пять

минут. Жан-Поль, займись гостями на выходе. Отрежь прессу от бэкстейджа.

Француз понимающе кивнул и быстро увлек за собой свиту. Коридор мгновенно опустел. Остались только я и она.

Я медленно подошел к Кире. Шаг за шагом. Напряжение, которое копилось между нами весь сегодняшний день, сейчас сгустилось до предела. Воздух казался горячим, почти осязаемым.

Она открыла глаза, услышав мои шаги. Темная помада на её губах слегка размазалась на нижней губе — видимо, она закусила её на подиуме от напряжения. Взгляд графичных стрелок по-прежнему был острым, но в глубине зрачков плескалась дикая, изматывающая усталость.

— Ну что, Руслан Дмитриевич, — её голос прозвучал тихо, с хрипотцой, но в нем по-прежнему звенела сталь. — Ваша империя спасена? Акции не упадут?

Я остановился в полушаге от нее, заставив её снова запрокинуть голову, чтобы смотреть мне в глаза. Я физически чувствовал, как быстро вздымается её грудь под металлическими пластинами корсета.

— Более чем спасена, Романова, — тихо ответил я, не сводя с нее глаз. — Дюпон из LVMH сейчас готов подписать любые дополнительные соглашения, лишь бы узнать, откуда я тебя выкопал. Ты устроила фурор.

— Прекрасно, — она попыталась горько усмехнуться, но усталость взяла свое, и она сильнее прижалась затылком к

стене. — Тогда распорядитесь, чтобы с меня сняли это оружие пыток. Я не могу дышать. Этот корсет меня убьет.

Я не позвал ассистентов. Вместо этого я сам сделал шаг вперед, сокращая и без того призрачное расстояние между нами. Мой смокинг коснулся серебряной сетки её юбки. Кира замерла, её дыхание на секунду перехватило, а в глазах вспыхнуло что-то новое, далекое от страха или злости. Это было чистое, наэлектризованное притяжение, которое мы оба так долго и упорно игнорировали в офисе.

Я протянул руку и медленно, кончиками пальцев, коснулся её подбородка, заставляя её зафиксировать взгляд на мне. Её кожа была горячей, а по телу Киры пробежала явная, крупная дрожь от моего прикосновения.

— Ты обещала, что мы пересмотрим условия твоего контракта, если ты выйдешь на подиум, — вкрадчиво напомнил я, наклоняясь к самому её лицу. Я чувствовал горький, пьянящий аромат её помады и парфюма. — Я слушаю твои условия, Романова. Чего ты хочешь? Денег? Власти? Новый статус в холдинге?

Кира упрямо сглотнула, её темные губы приоткрылись, но она не отвела взгляд. Она продолжала бороться со мной, даже будучи обессиленной.

— Для начала, Руслан Дмитриевич, — прошептала она, и её дыхание опалило мои губы, — я хочу, чтобы вы перестали относиться ко мне как к своей собственности. Я ваша ассистентка, а не ваш трофей.

Я коротко, низко усмехнулся, чувствуя, как внутри разгорается опасный, темный азарт. Эта девчонка была невероятной. Даже зажатая в угол, на четырнадцатисантиметровых каблуках и в чужом платье, она умудрялась диктовать мне условия.

— Трофеи лежат на полках, Романова, — я медленно перевел руку с её подбородка на шею, чувствуя, как бешено бьется её пульс под моими пальцами. Мой голос упал до шепота. — А ты стоишь передо мной и заставляешь меня тратить слишком много времени на мысли о тебе. Это опасный прецедент для моего бизнеса.

Она хотела что-то ответить, её глаза расширились, но в этот момент в конце коридора послышался тяжелый шаг Глеба. Начальник охраны появился как всегда не вовремя, но его присутствие мгновенно вернуло нас в реальность.

Я медленно убрал руку от её шеи и отступил на шаг, возвращая лицу ледяную маску контроля. Кира судорожно выдохнула, словно ей наконец вернули кислород.

— Руслан Дмитриевич, — Глеб остановился на безопасном расстоянии, его взгляд был строго деловым. — У входа толпа журналистов, они требуют комментариев по поводу новой модели. И... звонил Дюпон. Он просит организовать закрытый ужин прямо сейчас. С вами и с Кирой Владимировной.

Я повернулся к начальнику СБ, застегивая пуговицу смокинга.

— Передай Дюпону, что ужин переносится на завтра, — холодно отрезал я. — На сегодня с Романовой хватит работы. Глеб, организуй машину к черному выходу. Киру переодеть и доставить домой. Под усиленной охраной.

— Будет сделано, — кивнул Глеб и скрылся.

Я снова посмотрел на Киру. Она стояла у стены, уже не пытаясь казаться железной, но в её глазах всё еще горел тот самый огонек, который я так полюбил умирять.

— Иди переодевайся, Кира, — тихо произнес я, разворачиваясь к выходу. — Завтра в девять утра жду тебя в офисе. У нас много работы по новому контракту с LVMH. И поверь... условия этого контракта тебе понравятся.

Глава 14

Ночная Москва за стеклом автомобиля сливалась в бесконечную размытую полосу из неоновых огней, фар и отражений высоток в мокром асфальте. В салоне «Майбаха» царила абсолютная, почти осязаемая тишина. Глеб молча сидел на переднем сиденье, изредка переговариваясь по рации с машиной сопровождения, а водитель уверенно вел машину в сторону Нового Арбата.

Я откинулся на кожаную спинку кресла и наконец-то сорвал с шеи дурацкую галстук-бабочку. Расстегнул две верхние пуговицы рубашки, чувствуя, как прохладный воздух из дефлекторов приятно остужает кожу.

Но перед глазами всё еще стоял подиум.

Белые вспышки софитов, шуршание серебряной парчи и этот её взгляд. Злой, гордый, торжествующий. Взгляд женщины, которую попытались сломать, а она вместо этого подчинила себе весь зал. Кира Романова сегодня совершила невозможное. Она не просто спасла контракт с французами — она заставила меня, человека, который видел в этой жизни всё, смотреть на нее с замиранием сердца.

Я усмехнулся, глядя на экран своего телефона. На часах было начало первого ночи. Поздновато для звонков, но я знал одного человека, который точно не спал в это время.

Человека, который и заварил всю эту кашу, подкинув мне резюме Романовой две недели назад.

Я нашел в контактах имя «Аркадий Борисович» и нажал вызов. Трубку сняли после третьего гудка.

— Руслан? — в динамике раздался знакомый, чуть хрипловатый, но по-прежнему бодрый голос моего университетского профессора. — Ночной звонок от тебя — это либо международный кризис в твоём холдинге, либо ты наконец-то решил провести старого учителя.

— Доброй ночи, Аркадий Борисович, — я поймал себя на том, что моя привычная ледяная маска впервые за день исчезла, уступая место искренней, теплой улыбке. Этого человека я уважал безмерно. — Кризис был. Минут сорок назад. Но мы его решили. И виной тому — ваша лучшая выпускница.

На том конце провода раздался тихий, мягкий смешок. Профессор явно понял, о ком идет речь.

— Кира? Что она уже успела натворить? Надеюсь, она не пересчитала твои личные офшоры и не уволила половину топ-менеджмента?

— Половину не уволила, но директора уральского филиала сегодня утром умножила на ноль за воровство, — я перевел взгляд на окно, вспоминая детали селектора. — А сорок минут назад она вышла на подиум вместо выбывшей Лины Коваль и закрыла показ Жана-Поля Арно в кутюрном платье. Французы из LVMH сейчас пьют валидол и готовы под-

писать любые контракты, лишь бы заполнить её.

Аркадий Борисович замолчал на пару секунд. Я буквально слышал, как он улыбается там, в своем тихом кабинете, заставленном книгами по экономике и высшей математике.

— В этом вся Кира, — тихо, с отцовской гордостью произнес он. — Девочка-катастрофа для твоих конкурентов. Ну и как она тебе?

— Аркадий Борисович, у меня к вам только один вопрос, — я подался вперед, опираясь локтями на колени. — Почему вы так долго прятали её от меня? Она же идеальный ассистент. Мой идеальный ассистент. Острый ум, железные нервы, аналитика на грани гениальности, а теперь еще и это...

— Потому она и пряталась, Руслан, — голос профессора стал мягче, в нем зазвучали те самые душевные, наставнические нотки из моего студенческого прошлого. — Я ведь прекрасно знал, к кому отправляю её. Ты помнишь, сколько лет назад сам выпустился из моих рук? Я ведь был твоим куратором, Воронцов. Я помню тебя зеленым, но уже тогда пугающе амбициозным мальчишкой. Столько лет прошло, ты построил огромную империю, стал акулой бизнеса... но характер твой не изменился.

— К чему вы клоните? — прищурился я.

— К тому, Руслан, что Кира очень на тебя похожа. Один в один. Тот же стальной стержень внутри, та же абсолютная бескомпромиссность, то же упрямство и гордость. Вы ведь как два одинаковых полюса магнита — должны либо разле-

теться в щепки при ударе, либо создать такое мощное поле, которое снесет всё на своем пути. Я долго думал, стоит ли вас сталкивать. Боялся, что ты её сломаешь.

Я промолчал, обдумывая его слова. Профессор был прав. Сходство между мной и Кирой было пугающим. Именно поэтому она так злила меня своей дерзостью — я видел в ней свое собственное отражение.

— Но ты ведь не сломал её, верно? — хитро прищурившись по голосу, спросил Аркадий Борисович. — Раз она у тебя и аудит проводит, и по подиуму ходит. Но вот скажи мне теперь ты, Руслан. Это уже мой вопрос. Зачем ты предложил ей именно эту работу? Зная, какой у тебя тяжелый нрав, какая нагрузка, и какой циничной бывает эта глянцева-я индустрия? Ты ведь монстр в дорогом костюме, Воронцов, давай на чистоту. Зачем ты выдернул девчонку из безопасного аналитического отдела и бросил под свои танки в качестве личного помощника?

Этот вопрос застал меня врасплох. Я ожидал от старого друга шуток, поздравлений с успешным показом, но не этого глубокого, искреннего вопроса.

Я откинулся на сиденье автомобиля и вздохнул, глядя на то, как капли дождя разбиваются о лобовое стекло.

— Знаете, Аркадий Борисович... — я заговорил тихо, подбирая слова, что делал крайне редко. — Вокруг меня слишком много людей, которые заглядывают мне в рот. Тысячи сотрудников, которые боятся моего взгляда. Модели,

инвесторы, партнеры — все они либо хотят от меня денег, либо панически боятся совершить ошибку. Мне до смерти надоели пугливые овцы.

Я сделал паузу, вспоминая, как Кира сегодня упрямо сжимала кулаки на бэкстейдже.

— А Романова не боится. Она смотрит на меня как на равного. Она огрызается, отстаивает свое мнение, бьется за каждую цифру в отчете. Мне нужен был человек, который не сломается от моего «нрава», как вы выразились. Человек, который сможет бежать со мной в одном темпе. И сегодня я убедился, что не ошибся. Она выдержала всё.

На том конце провода послышался долгий, удовлетворенный вздох профессора.

— Я рад это слышать, Руслан. Очень рад. Береги её. Она редкий алмаз. И, кажется мне, ты впервые за много лет нашел кого-то, кто сможет согреть твое ледяное королевство.

— Ну, до согрева еще далеко, Аркадий Борисович, — усмехнулся я, чувствуя, как внутри разливается странное, давно забытое тепло от этого дружеского разговора. — Пока что мы только учимся не поубивать друг друга в одном кабинете.

— Ничего, это полезный процесс, — рассмеялся старик. — Ладно, езжай домой, полуночник. Спокойной ночи тебе. И Кире передавай привет, когда завтра увидишь. Скажи, что куратор внимательно следит за её успехами.

— Обязательно передам. Спокойной ночи, Аркадий Бо-

рисович. Спасибо за звонок.

Я нажал отбой и отложил телефон на соседнее сиденье. Автомобиль как раз плавно свернул к подземному паркингу моего жилого комплекса на Новом Арбате.

Диалог с профессором оставил приятное, душевное послевкусие, но мысли мои снова вернулись к его словам. «Она слишком на тебя похожа».

Я вспомнил, как держал её за подбородок в пустом коридоре бэкстейджа, как бешено бился её пульс под моими пальцами. Да, мы были похожи. Два хищника в одном вольере. И завтра в девять утра эта маленькая белая акула снова войдет в мою приемную.

Я улыбнулся своим мыслям, выходя из машины. Эта игра определенно становилась всё более захватывающей.

Глава 15

Кира

Если бы взглядом можно было взрывать автомобили, представительский «Мерседес» из кортежа Воронцова разлетелся бы на атомы еще на выезде с парковки.

Я сидела на заднем сиденье, сжав зубы так, что заболели скулы. Охрана Руслана вела машину бережно, но меня всю трясло от избытка адреналина и чистой, концентрированной ярости. Этот самовлюбленный, деспотичный, манипулятивный... монстр! Он просчитал меня как элементарную задачу из учебника. Спровоцировал, ударил по больному месту, поймал на «слабо» и выставил на подиум, как какую-то породистую лошадь из своей конюшни.

А его прикосновения в коридоре? Этот вкрадчивый голос, горячая кожа под его пальцами, пульс, который до сих пор стучал в ушах... Он думает, что приручил меня. Думает, что раз он повысил мне оклад и приставил охрану, я стану его верной карманной акулой.

«Ну уж нет, Воронцов. Ты понятия не имеешь, с кем связался».

Едва машина затормозила у моего дома, я выскочила из салона, даже не дождавшись, пока охранник откроет дверь. Кое-как доковыляла на шпильках до лифта, доехала до своего этажа и буквально ворвалась в квартиру, хлопнув дверью

с такой силой, что задрожали стекла.

— Ого! Живая! А я уже думала звонить в морг холдинга или сразу в интерпол! — из кухни, с кружкой чая в руках, вышла Лера.

У моей подруги были ключи от квартиры, и сегодня она обещала подождать меня, чтобы узнать, как прошел мой первый светский раут. Но судя по её округлившимся глазам, всё, что нужно, она уже увидела в сети.

— Кира... ты в трендах Телеграма, ты в курсе?! — Лера ткнула экраном телефона мне чуть ли не в нос. — «Таинственная незнакомка спасает показ Арно». «Новая муза Воронцова». Мать твоя женщина, Романова, ты что там устроила?! Ты же шла туда как серая мышка-помощница!

— Не называй меня этим именем! — прорычала я, сбрасывая проклятые четырнадцатисантиметровые туфли в угол прихожей. Один туфель с глухим стуком врезался в шкаф. — Я не муза. И не незнакомка. Я фурия, Лера! И я собираюсь уничтожить этого человека.

Я строевым шагом прошла в ванную. Подруга, семена за мной, испуганно притихла, наблюдая, как я хватаю ватный диск, заливаю его мицеллярной водой и с ожесточением начинаю стирать с губ эту чертову винную помаду. Раз за разом, размазывая её по лицу, превращаясь в помятого, но оттого еще более жуткого джокера.

— Так, тихо, выдохни, — Лера отобрала у меня диск и сама принялась аккуратно оттирывать мою боевую раскрас-

ку. — Что этот Воронцов сделал? Он... приставал к тебе? Надругался над твоей финансовой честью?

— Хуже! — выплюнула я, зашипев от того, как сильно подруга прижала вату к моим губам. — Лина Коваль подвернула ногу. И этот... сумасшедший рабовладелец решил, что мои параметры идеально подходят для кутюрного платья. Он буквально силой заставил меня выйти на подиум! Шантажировал репутацией компании, контрактом с LVMH, моим собственным эго! Я шла там перед сотней камер, Лер! Моё лицо сейчас на всех сайтах!

— Ну... вообще-то ты выглядишь там как богиня, — робко заметила она, поворачивая ко мне телефон, где на видео я летела по подиуму, чеканя шаг. — Смотри, какой взгляд. Смертоносный.

— Это взгляд человека, который мысленно расчленил своего начальника! — я вырвала из рук Леры полотенце, умылась ледяной водой и вернулась в комнату.

Корсет платья, слава богу, остался на бэкстейдже, я была в своей обычной одежде, но внутри меня всё еще горел пожар. Я мерила комнату шагами, из угла в угол, как загнанный в клетку тигр. Напряжение требовало выхода. Мозг, разогретый ночными аудитами и дневными стрессами, работал на каких-то запредельных оборотах.

— Ты собираешься увольняться? — Лера присела на край дивана, с тревогой наблюдая за моими метаниями.

— Увольняться? — я резко остановилась и развернулась

к ней. На моем лице появилась жесткая, нехорошая ухмылка, которую я, кажется, подцепила у самого Воронцова. — Еще чего! Если я сейчас уйду, это будет означать, что он победил. Что он сломал меня, использовал и выбросил. Нет. Воронцов думает, что он великий кукловод? Что он монстр, управляющий пятьюдесятью тысячами людей? Прекрасно. Я уничтожу его его же оружием.

Я подошла к рабочему столу, с грохотом открыла ноутбук и упала в кресло. Пальцы зависли над клавиатурой.

— И какой у нас план, капитан? — Лера подалась вперед.

— План называется «Идеальный ассистент для монстра. Версия 2.0», — процедила я, открывая чистый файл. — Он сам сказал, что завтра в девять утра ждет меня в офисе, чтобы пересмотреть мой контракт. Он думает, я попрошу прибавку к зарплате. Ха! Наивный.

Я начала быстро, со злостью стучать по клавишам, формулируя пункты своей личной вендетты:

Пункт 1. Абсолютная незаменимость.

Я замкну на себе все ключевые потоки информации по европейскому направлению и LVMH. Французы очарованы мной? Отлично. Я сделаю так, что они откажутся вести переговоры с кем-либо, кроме меня. Воронцов не сможет уволить меня, даже если очень захочет.

Пункт 2. Финансовый капкан.

Я подготовлю такие условия по уральскому филиалу, где подниму показатели эффективности на триста процентов, но

пропишу себе личный процент от прибыли региона. Я выжму из его холдинга столько денег, сколько Сафонову и не снилось. Но абсолютно легально.

Пункт 3. Субординация и личные границы.

Никаких выездов ночью. Никаких прикосновений. Никаких «ты» в нерабочее время. За каждую попытку нарушить мои границы он будет платить. И платить дорого — срывом важных для него встреч, которые я буду «случайно» переносить по техническим причинам.

— Кира, ты выглядишь жутко, — прошептала Лера, глядя на мой лихорадочный блеск в глазах. — Ты уверена, что сможешь переиграть человека, который построил эту империю с нуля? Он же видит людей насквозь.

— Пусть видит, — я захлопнула ноутбук и откинулась на спинку кресла, чувствуя, как ярость внутри наконец-то уступает место холодному, расчетливому азарту. — Он хотел акулу? Он её получил. Завтра в девять утра я войду в его кабинет с этим документом. И поверь, Лер... этот монстр еще пожалеет, что когда-то вытащил меня на свой подиум. Настоящая бойня начинается только сейчас.

Говорят, у каждого воина есть своя броня. У кого-то это кевларовый жилет, у кого-то — цинизм и холодная маска. У меня тоже была броня, но о ней не знал ни один человек в мире.

Моя самая большая, тщательно скрываемая слабость. Мой личный грех и одновременно источник безумной, по-

чти первобытной уверенности в себе — дорогое, провокационное шелковое белье.

Утро перед выходом в офис я провела перед зеркалом, натягивая на себя свои секретные доспехи. Сегодня выбор пал на комплект из тончайшего, как паутина, черного французского кружева со сложным переплетением ремешков, которые дерзко подчеркивали изгибы бедер и плотно облегали талию. Это белье стоило баснословных денег, но когда оно касалось кожи, внутри меня словно щелкал какой-то тумблер.

Никто снаружи не видел этой тайны. Поверх кружевного безумия я надела глухую шелковую блузку графитового цвета, застегнув её на все пуговицы до самого горла, и строгий, идеально скроенный брючный костюм-тройку. Обула классические туфли-лодочки на умеренном каблуке, собрала волосы в безупречно гладкий, тугой хвост.

Внешне — эталон субординации. Ни сантиметра лишней кожи. Абсолютный, холодный профессионализм. Но я-то знала, что скрыто под этой серой шерстью. Контраст между глухим офисным скафандром и обжигающим кружевом под ним дарил мне пьянящее чувство контроля. Это была моя ментальная защита против Воронцова. Что бы он ни делал, как бы близко ни подходил — я управляю этой игрой, потому что у меня есть тайна, к которой он никогда не получит доступ.

Ровно в 8:55 я вышла из лифта на сорок пятом этаже хол-

динга. Глаза горели, в теле была стопроцентная готовность к бою.

— Доброе утро, Кира Владимировна! — секретарша на ресепшнне аж подпрыгнула, когда я прошла мимо неё со скоростью торпеды. — Там Руслан Дмитриевич уже...

— Я знаю, — бросила я, даже не притормаживая.

В руке я сжимала плотную кожаную папку, в которой лежал распечатанный ультиматум — моя новая должностная инструкция и дополнительные соглашения к контракту. Версия 2.0.

Я толкнула тяжелую дверь кабинета Воронцова без стука. Ровно в 9:00.

Руслан стоял у своего стола, просматривая утреннюю прессу. Газеты и планшеты на его столе пестрели вчерашними фотографиями с показа, где моё лицо в черной помаде занимало первые полосы. Услышав звук открывающейся двери, он медленно поднял голову.

Его взгляд — тяжелый, сканирующий — мгновенно прошелся по мне. Он явно ожидал увидеть смущенную девчонку, которая после вчерашнего триумфа и ночных откровений в коридоре будет прятать глаза или нервно переминыться с ноги на ногу. Но я стояла перед ним как скала. Расправленные плечи, прямой, ледяной взгляд. По телу разливалось приятное тепло от осознания собственной безупречности (и легкого покалывания кружевных ремешков на ребрах).

— Доброе утро, Руслан Дмитриевич, — мой голос про-

звучал как выстрел. Четко, звонко, без тени вчерашней усталости.

Воронцов чуть прищурился, и в глубине его темных глаз проскользнула искра удивления, которая тут же сменилась его фирменным, опасным интересом. Он медленно отложил планшет и оперся руками о край стола.

— Доброе утро, Романова. Вижу, вчерашний стресс пошел тебе на пользу. Выглядишь так, словно готова скушать на завтрак парочку конкурирующих агентств.

— Агентства подождут. Начать день я предлагаю с более важных бумаг, — я сделала несколько уверенных шагов вперед, подошла к его столу и с глухим стуком положила перед ним кожаную папку. — Здесь новые условия моего контракта.

Руслан выгнул одну бровь, глядя на папку так, словно я подбросила ему тикающую бомбу.

— Вот как? — он неторопливо сел в свое кресло, откинулся на спинку и переплел пальцы рук. — И что же там, Кира? Требуешь утроить оклад и выписать тебе личный лимузин за спасение моей репутации?

— Деньги — это само собой, там прописан процент от оздоровления уральского филиала, — я сложила руки на груди, удерживая его взгляд. Кружево под блузкой словно подбадривало меня, напоминая, кто здесь держит ситуацию под контролем. — Но главное — субординация. В этом документе четко разграничены мои обязанности как финансо-

вого аналитика и личного ассистента. Пункт четыре: никаких выездов во внерабочее время без предварительного согласования за сутки. Пункт пять: полное уважение личных границ. Никаких двусмысленных намеков, прикосновений и психологического давления. Если вы подписываете это — мы продолжаем работать в режиме максимальной эффективности. Если нет — мой адвокат уже подготовил заявление об увольнении по собственному желанию, и пресса очень быстро узнает, почему «муза Воронцова» покинула холдинг через день после триумфа.

В кабинете повисла звенящая тишина. Я видела, как челюсть Руслана едва заметно сжалась. Он не привык к ультиматумам. Он привык сам ломать людей через колено. Он медленно протянул руку, открыл папку и начал читать, вчитываясь в каждый пункт, который я со злостью формулировала этой ночью вместе с Лерой.

По мере чтения его губы тронула едва заметная, жесткая и пугающая ухмылка. Он дочитал до конца, закрыл папку и поднялся со своего кресла.

Он начал медленно обходить стол, направляясь ко мне. Моё сердце сделало дикий кульбит, но я заставила себя не отступить ни на сантиметр. Кружевная броня держала меня крепче любого корсета.

Руслан остановился в полушаге от меня. Он был намного выше, его мощная фигура буквально перекрывала свет из окна, а от запаха его дорогого парфюма кружилась голова.

Он наклонился чуть вперед, заглядывая мне прямо в глаза.

— «Полное уважение личных границ», говоришь? — тихо, с опасной хрипотцой в голосе произнес он. — Романова, ты правда думаешь, что бумажка с подписью может остановить меня, если я захочу эти границы нарушить?

— Я думаю, что вы умеете считать деньги и цените свои активы, Руслан Дмитриевич, — я упрямо вздернула подбородок, глядя на его губы, которые были слишком близко. Внутри всё дрожало от дикого напряжения, но внешне я оставалась монолитом. — Нарушение этих пунктов обойдется вам слишком дорого.

Руслан молчал несколько секунд, буравя меня своим гипнотическим взглядом, словно пытался просветить рентгеном сквозь глухую графитовую блузку. Он оценивал мою дерзость, мою силу, моё сумасшедшее сопротивление. И, судя по вспыхнувшему в его глазах темному, охотничьему азарту, этот раунд доставлял ему колоссальное удовольствие.

— Ладно, акула, — наконец произнес он, отступая на шаг, и мне показалось, что в кабинете снова появился кислород. Он вернулся к столу, взял ручку и, не глядя, размашисто подписал оба экземпляра. — Я принимаю твои условия. Пока принимаю. Но учти: раз уж ты выставила такие границы, спрашивать за работу я с тебя буду еще жестче. Нам звонили французы. Дюпон требует тебя на сегодняшнюю встречу в одиннадцать. Иди готовь документы.

— Будет сделано, Руслан Дмитриевич, — спокойно ответила я, забирая свой экземпляр контракта.

Я развернулась и строгим, чеканным шагом пошла к выходу из кабинета. Мои доспехи сработали на все сто процентов. Я выдержала его натиск, я заставила монстра играть по моим правилам.

И уже закрывая за собой дверь приемной, я позволила себе победно улыбнуться. Настоящая битва характеров только началась, но первый флаг на этой территории определенно был моим.

Глава 16

Мой триумф длился ровно сорок минут.

Я успела вернуться на рабочее место, открыть файлы по французскому контракту и даже сделать два глотка остывшего кофе, мысленно поздравляя себя с тактической победой. Новый контракт с моей личной подписью Воронцова лежал в верхнем ящике стола как гарант моей неприкосновенности.

В 10:15 селектор на моем столе ожил, издав короткий, требовательный писк.

— Романова, зайди, — раздался из динамика ровный, лишенный каких-либо эмоций голос босса.

Я спокойно поднялась, поправила идеальные складки своего серого жилета и, прихватив планшет с аналитикой для LVMH, вошла в кабинет. Я ожидала чего угодно: финальных правок к презентации, новых вводных по Парижу, даже обсуждения вчерашнего триумфа. Но реальность снова ударила наотмашь.

Руслан не сидел за столом. Он стоял у панорамного окна, засунув руки в карманы брюк. Когда я подошла ближе, он медленно развернулся. Его взгляд не скользнул по планшету в моих руках. Он с ног до головы окинул меня ледяным, критическим взглядом, задержавшись на брюках моего костюма-тройки.

— Руслан Дмитриевич, я подготовила отчет для Дюпона,
— начала я, но он жестко поднял руку, заставляя меня замолчать.

— Оставь отчет, Кира. У нас есть более серьезная проблема, — произнес он, и в его голосе прозвучали те самые властные, непреклонные нотки, которые не сулили ничего хорошего. — Я повторять больше не буду. С этого дня ты меняешь свой гардероб. Полностью.

Я замерла, нахмурившись.

— Простите? Мой гардероб?

— Именно, — Воронцов сделал шаг ко мне, и его лицо превратилось в маску крайнего недовольства. — То, что сейчас на тебе надето, выглядит дешево. Холдинг Воронцова — это вершина модной индустрии, мы диктуем тренды всей Европе. А моя личная ассистентка, которая вчера закрывала кутюрный показ, сегодня приходит на работу в этой серой, безликой тоске.

У меня внутри всё вспыхнуло от обиды и злости. Этот костюм был куплен на мою прошлую, пусть и небольшую, зарплату, и я считала его верхом элегантности! К тому же, под этой «серой тоской» сейчас скрывалось безумно дорогое, сексуальное французское кружево, о котором этот сухарь даже не догадывался. И слышать от него слово «дешево» было как пощечина.

— Это строгий деловой стиль, соответствующий дресс-коду компании, — процедила я, с трудом удерживая маску

спокойствия. — В моем новом контракте, который вы подписали меньше часа назад, нет пункта о том, что вы имеете право критиковать мою личную одежду.

— В твоём контракте есть пункт о представлении интересов холдинга на высшем уровне, — отрезал Руслан, проигнорировав мой выпад. Он подошел еще ближе, так что я почувствовала его тяжелую ауру контроля. — Через сорок минут сюда приедет Пьер Дюпон. Завтра прилетят итальянцы. Что они подумают обо мне, когда увидят тебя в этих тряпках? Они подумают, что Воронцов — законченный скупердэй, который зажал нормальную зарплату своей лучшей сотруднице. Моя репутация не должна страдать из-за твоего странного желания прятаться в мужские фасоны.

— Мои брюки не имеют никакого отношения к вашей репутации! — я сделала шаг вперед, сжимая кулаки. Внутри меня всё клокотало. — Я финансовый аналитик, а не модель на содержании!

— Ты лицо моей приемной, Романова. И ты будешь носить юбки. Женственные, дорогие, интересные костюмы от тех брендов, с которыми мы работаем. Чтобы ни у одного инвестора даже мысли не возникло, что мы экономим на персонале.

— Я не собираюсь тратить свои деньги на кутюрные вещи ради вашего эго! — мой голос сорвался на повышенный тон.

— А твои деньги никто и не просит, — Руслан бросил короткий взгляд на свои наручные часы и резко застегнул пу-

говицу пиджака. — Мы идем прямо сейчас. Я лично выберу тебе гардероб, в котором тебе не стыдно будет показаться на переговорах с французами. Глеб уже подогнал машину к VIP-выходу. Мув, Романова. Время пошло.

Я стояла как громом пораженная. Этот невыносимый, авторитарный монстр просто проехался танком по моим границам, которые я с таким трудом выстраивала всю ночь! Он не просто критиковал меня — он фактически приказал мне ехать с ним по магазинам прямо посреди рабочего дня.

Я посмотрела на него — непреклонного, возвышающегося надо мной, с абсолютно уверенным видом человека, который не сомневается в своем праве распоряжаться моей жизнью. В моей голове созрели сотни язвительных ответов, но я понимала: если я сейчас начну закатывать истерику, я проиграю. Акулы не истерят. Они выжидают.

— Хорошо, Руслан Дмитриевич, — тихо, но с опасным, ядовитым подтекстом ответила я, выпрямляя спину. Моя кружевная броня под блузкой словно натянулась, возвращая мне уверенность. — Раз уж холдингу так важна моя юбка, давайте потратим ваши миллионы. Но учтите: выбирать стиль я буду сама.

Воронцов лишь ухмыльнулся своей опасной, хищной улыбкой, открывая передо мной дверь кабинета:

— Посмотрим, Романова. Посмотрим. В машину.

Глава 17

Руслан

Премиальный концепт-стор на Кузнецком Мосту ради нас закрыли на спецобслуживание за пять минут до нашего приезда. Когда мой «Майбах» затормозил у стеклянных дверей, директор бутика уже стоял на крыльце, расплываясь в подбострастной улыбке.

Я вышел из машины и дождался Киру. Она вылезла из салона с таким видом, словно её привезли не на шопинг класса люкс, а на эшафот. Её серый костюм-тройка топорщился от её скрещенных на груди рук, а идеальный гладкий хвост качнулся, когда она смирала меня очередным ледяным взглядом.

Акула злилась. И эта злость делала её чертовски привлекательной.

— Руслан Дмитриевич, какая честь! — директор бутика, мужчина неопределенного возраста в безупречном пиджаке, склонил голову. — Рады видеть вас. Чем можем помочь сегодня?

— Моему личному ассистенту нужен полный гардероб, — я прошел внутрь, увлекая Романову за собой. Каблуки её лодочек зло стучали по мраморному полу. — Рост — метр семьдесят восемь. Грудь — восемьдесят восемь, талия — шестьдесят, бедра — девяносто два. Несите всё из последних

закрытых коллекций Парижа и Милана. Силуэты — приталенные. Никаких брюк. Только юбки, платья и строгие, но дорогие жакеты.

Кира резко повернулась ко мне, её глаза расширились от возмущения.

— Откуда вы знаете мои параметры с точностью до сантиметра?!

— Романова, я управляю холдингом, в котором крутятся миллиарды. Если я не буду знать параметры своего главного актива, грош мне цена, — я снисходительно усмехнулся, проходя к кожаному дивану в VIP-зоне. — Иди примеряй. У нас мало времени.

Консультанты, уловив мое настроение, мгновенно зашуршали вешалками. Через пару минут перед огромной примерочной с тяжелыми бордовыми шторами выросла целая стойка с нарядами. Кира, сжав губы в тонкую линию, вырвала из рук стилиста первое попавшееся платье и скрылась за занавеской.

Я сел на диван, мне тут же подали двойной эспresso. Время шло. Из-за шторы доносилось злое шуршание ткани и тихие чертыхания.

Минуты через три штора отодвинулась. Кира вышла наружу.

На ней было классическое черное платье-футляр из плотного итальянского шелка. Длина — строго по колено, глухой ворот, длинный рукав. Но за счет идеального кроя ткань об-

легала её фигуру так, что у любого мужчины в этом зале должен был перехватить дыхание. Корсетная основа платья подчеркивала её тонкую талию, а юбка мягко очерчивала бедра.

Она встала передо мной, уперев руки в бока.

— Ну как? Достаточно дорого для вашей репутации, Руслан Дмитриевич?

Я медленно сделал глоток кофе, не сводя с нее тяжелого взгляда.

— Слишком скучно, Романова. Ты в нем похожа на очень дорогую, но всё же вдову. Возвращайся и мерь следующее. С открытой спиной.

Она фыркнула, крутанулась на каблуках и снова исчезла за шторами.

На четвертом наряде процесс застопорился. Прошло уже больше десяти минут, но Кира не выходила. Из-за плотного бархата доносилось её прерывистое дыхание и тихий шепот, полный отчаяния: «Да как эта чертова молния вообще работает?..»

Моё терпение лопнуло. Я поставил чашку на столик, поднялся с дивана и, проигнорировав испуганный взгляд директора бутика, подошел к примерочной.

Я не стал стучать. Я просто потянул тяжелую бордовую штору в сторону и бесцеремонно шагнул внутрь, задержав за собой занавеску.

— Вы с ума сошли?! Выйдите! — Кира вскрикнула, мгновенно разворачиваясь ко мне лицом и прижимаясь спиной к

огромному зеркалу во всю стену.

Пространство примерочной было маленьким, замкнутым и наэлектризованным до предела. Здесь пахло её парфюмом — горьким апельсином и кожей, — и этот запах мгновенно ударил мне в голову.

Она пыталась примерить темно-бордовое шелковое платье со сложной геометрией кроя. Юбка-карандаш с высоким разрезом уже сидела на её бедрах, но верхняя часть была наполовину расстегнута. Ткань сползла с её левого плеча, обнажая идеальную, гладкую кожу ключицы и...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.